

Станислав Юрченко

К 84(2Рсс=Рус)6
Ю 83

ПОТЕРЯННЫЙ
БРОД

СТАНИСЛАВ ЮРЧЕНКО

ПОТЕРЯННЫЙ БРОД

Стихи, пародии, поэмы, проза

Государственная
библиотека
Югры

0Э

- 089834 -

г. Советский
2005 год

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 84 (Рос=рус)
Ю 83

ЮРЧЕНКО С.Г.

Потерянный брод. Стихи, пародии, поэмы, проза.

Литературно художественное издание

Юрченко Станислав Георгиевич

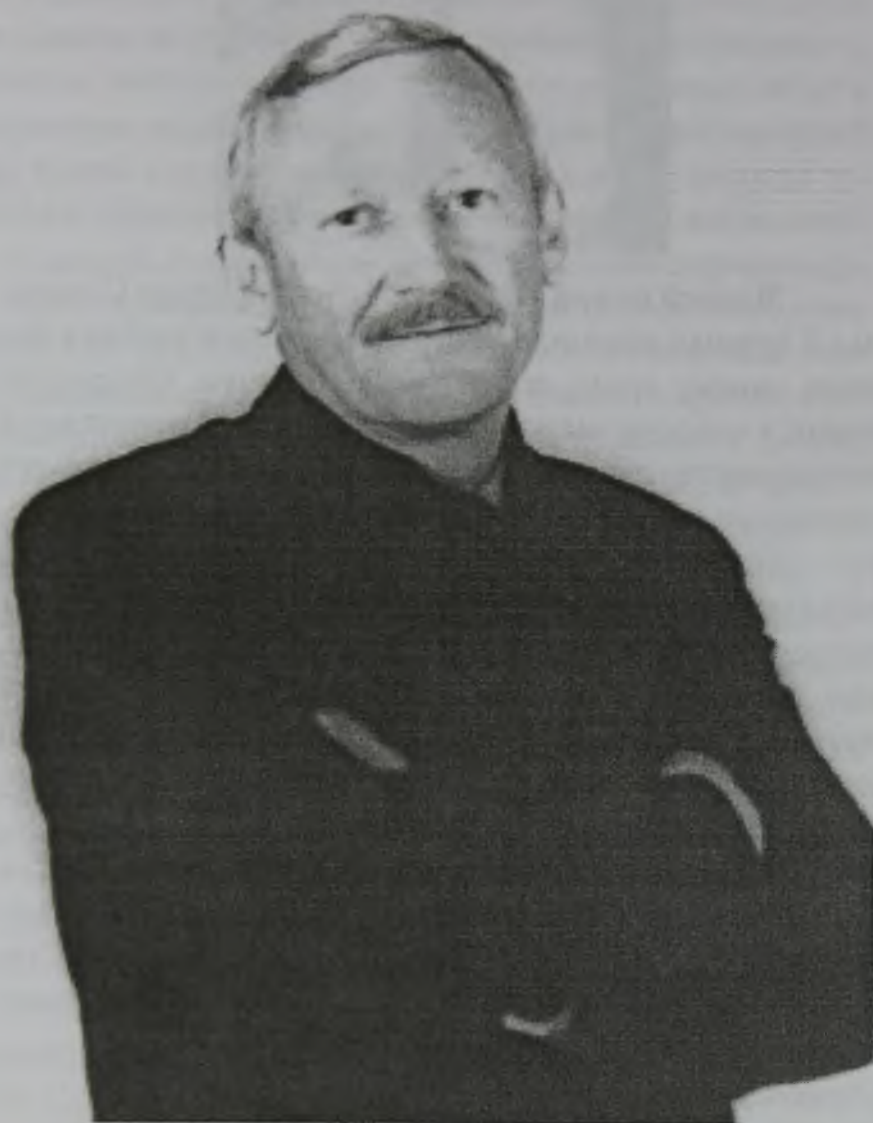
ПОТЕРЯННЫЙ БРОД

Рисунки автора

Автор выражает благодарность администрации
ООО «Советское СМУ» и лично Иванцову Константи-
ну Ивановичу за содействие в издании этой книги.

ISBN 5-94007-041-8

© Юрченко С.Г. 2005 г.
ГП ХМАО «Советская типография». 2005 г.

Станислав Юрченко

В своей новой книге «Позабытый брод» Станислав Юрченко обращается к вечным темам любви к Родине, своему краю, его природе и людям. Непростое время, в которое мы живем, наложило свой отпечаток и на творчество известного не только в районе, но и за его пределами поэта. В своем произведении он пытается переосмыслить произошедшее в стране за последние годы, годы нелегкие, порой трагические. Но в строчках стихотворений живет вера в высокое предназначение России, вера в то, что родная земля преодолет трудный путь возрождения, и высокие принципы гражданственности, любви к своей истории и настоящему вновь займут достойное место в сознании ее народа.

Именно поэтому творчество писателя востребовано широкой читательской аудиторией: от самых маленьких - до седых ветеранов. Хочется пожелать Станиславу новых успехов в его творчестве и новых книг, добрых и светлых.

*Директор Советского
строительно-монтажного
управления*

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'К.И.Иванов'. The signature is stylized and fluid.

К.И.Иванов

ОТ АВТОРА

Желание дать этой книге название «Позабывтый брод» возникло не случайно. Бурное время конца прошлого, начала нынешнего века, когда центробежные силы и политика недалеких царьков, взлетевших волею судеб на троны и стульчаки, разорвали в клочья некогда великую державу, переломало и искалечило жизнь многих людей. В огне брода - нет! Внутренний стержень духовности, верности долгу, гордости за свое Отечество был, как-то в одночасье, утрачен. Не без помощи, разгулявшихся от эйфории вседозволенности прессы и телевидения, в сознание народа начали вбивать другие ценности: жажду наживы, наплевательское, а, порой, преступное, отношение к собственной истории, преклонение перед чуждыми нашей культуре и менталитету ценностями. И все это на фоне разросшегося до вселенских размеров воровства, коррупции и чиновничьего произвола. Нашей жизнью начали управлять всевозможные «братки», и не по законам, а по понятиям. Но я искренне верю в то, что народ наш сумеет отыскать тот забытый брод, который он перешел еще на Непрядве, и страхнет с себя всяческую шелуху, налипшую на его одежды за это смутное время. Мы -россияне, а это многого стоит. Конечно, в книге звучат и другие мотивы о любви, верности, красоте нашей северной природы, судить о достоинствах и недостатках которых, читателю. С уважением.

Станислав Юрченко

**Моему отцу Юрченко Георгию Матвеевичу
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

РОДИНА

Суть - в трех словах:

Россия,

мама,

дом,

и в ощущение гордости великой
за землю и народ разноязыкий,
проросшей из корней в тебе самом.

Здесь с криком я пришел на белый свет,
впервые увидел глаза родные,
почувствовал, что чувствую и ныне,
немало переживший зим и лет.

Я повзрослел с тобою, полюбил,
и сына воспитал, и дом построил,
и осознал, что забывать не стоит
родимых мест и дедовых могил.

И, как святыни, в сердце берегу
жару Поволжья, Севера морозы.
Гремели над страной такие грозы,
каких не пожелаешь и врагу.

Но выстояла Русь среди смертей,
ее сломить стихии не сумели
на праведном пути к великой цели
быть матерью для всех своих детей.

И может быть придется повторять
истории тяжелые уроки,
но потому, что здесь мои истоки,
с тобой останусь жить и умирать.

03.04.04 г.

***

Широка страна моя...
И все же
нет в подлунном мире постоянства:
нежная ее девичья кожа
не стерпела грубости и хамства,
от границы дальней до границы
на глазах в шагреню преобразаясь...

И плывут испуганные лица,
в зеркалах свободы отражаясь.

05.04.04 г.
Свердловск – Киров

***

Я не понимаю, что со мною,
прыгает кадык на потной вые,
и глаза недавно голубые
затянуло красной пеленою.

В исступленьи сумрачном теряю
разума последние остатки,
в каждой новой схватке проявляя
дикие, звериные повадки.

Из аорты кровь густая брызнет,
утверждаясь аргументом в споре...

Красный цвет – цвет радости и жизни –
иногда бывает цветом горя.

05.04.04 г.

ЗАКЛИНАНИЕ

Нам с веком никак не сродниться,
мы духом убогие, что ли?

...Широкое русское поле
и в годы нелегкие снится,
ковыльное, с ласковым солнцем
над белым березовым клином,
с избой лубяной, где в оконце
негромко стучали любимым.

Темно в окаянные дни.
И, чем мы отчаянней пили,
тем крепче с землею роднили
кресты на могилах родни.
Как пыль по дорогам носили
нас ветры лихих перемен.
Но мы же поднялись с колен!

А лучшие люди России
бежали, какого рожна?

И я заклинаю по-детски:
не нужен мне берег турецкий
и Африка мне не нужна...

05.04.04 г.

***

С неудобным характером споря,
был я в жизни отчаянно смел,
много видел печали и горя,
но и радости много имел.

А сейчас пью тоску, словно брагу,
на пригорке под сенью берез,
и жалею себя бедолагу
за несчастную долю до слез.

Смертный холод уже не пугает,
что пугаться – Господь сохранит.
Дни, как маятник, мерно мелькают,
да обида на старость саднит.

Этой боли томительной сладость
рвет звенящие струны души.
Жаль, не купишь ни горе, ни радость
на последние эти гроши...

06.04.04 г.

ХРАМ

**Мать России целой – деревушка,
может быть, вот этот уголок...**

Н.Рубцов

В тишине потрескивают свечи,
легкий дым возносится к храму.
Над застывшей, скованною речкой
высится столетний Божий Храм.

Белый, с золотыми куполами
он плывет, как лебедь, в небесах
над пустыми, сонными полями,
над селом в заснеженных лесах.

Все вокруг светло и благочинно –
верой сохранили Русь века.
Прячут ели темные вершины
в серых, неподвижных облаках.

И дорога к Храму на Крещение
белоснежна, тем и хороша.
Суть России – каждое селенье,
где ютится русская душа.

07.04.04 г.

ЦИРК

Мать снова затеяла стирку,
колдует над грязным бельем.
А купол бродячего цирка
взметнувшийся над пустырем
гремящею музыкой манит.
Но вряд ли разжалобишь мать:
ведь нужно в просевшую баню
воды из пруда натаскать,
разжечь берестой поленья,
и ждать, разгорится когда.
А там уже и представленье
закончится.
Просто, беда!..

С тех пор пролетело немало,
но даже вполне повзрослев,
я помню – меня удивляло,
как женщину слушает лев,
как весело клоун смеется,
хотя не до смеха порой,
как лента атласная вьется
из ящика с черной дырой.
Как девочка в ярких одеждах
идет по канату с шестом,
и будит в мальчишке надежду
на то, что случится потом,
как в зале становится тише
и мужество верит лонже...

...А клоун, что был на афише,
он месяц, как умер у же.

07.04.04 г.

***

Ты умеешь неслышно войти,
и глаза у тебя, как вода
в темном омуте.
Только в горсти
не удержишь воды никогда.

Жажду вечную этой водой
утолить не удастся.
Обман –
на ее берегу.
И бедой
тянет стылый, промозглый туман.

Почему же я снова иду
в этот странный, загадочный дом,
и шепчу тебе что-то в бреду,
обо всем забывая потом.

Почему просыпаюсь в поту,
от холодного ветра дрожа,
над рекою, на шатком мосту –
отраженьем игры миража.

Но прошу: ты опять позови,
вопреки предсказаниям примет,
обогрей меня и подари
этот дом,
этот взгляд,
этот свет...

07.04.04 г.

***

Посудачат гости и уйдут
в листопад, по замяти аллей,
оставляя призрачный уют
брошенной обители моей.

Что же я такого натворил,
если даже самый верный друг
дверь, с размаху хлопнув, затворил,
отвернулся и замкнулся вдруг.

Желтый лист, прилипший на стекло –
наступившей осени печать –
подытожит: прошлое ушло,
бесполезно в прошлое кричать.

Видно, дружба выпита до дна,
и причины ссоры не важны...
Тянет из открытого окна
холодом крадущейся зимы.

07.04.04 г.

ПАСХА

А, между прочим, наступила Пасха!
Христос воскрес!
И распустила лист
в стеклянной банке верба.
Не напрасно
рассвет над лесом нежно золотист.

Пьянящий воздух в форточку струится
и что-то необычное со мной,
просветлены весной и верой лица
спешащих от заутренней домой.

Еще вчера, угрюмые, часами
кляли и власть, и свет – туды их в дым! –
а нынче с подобревшими глазами
целуются со мною, как с родным.

Вонзился солнца луч в рубин кагора,
и куличём пропах весь белый свет,
столетняя старуха Феодора
помолодела вдруг на двадцать лет.

Россия! Русь!
Приветствую с поклоном
твой терпеливый издревле народ...

Ручьями тает снег на южных склонах
и на реке взбрыкнувшей – ледоход!

08.04.04 г.

***

Милая, ну что с тобою случилось? –
вопрошаю с болью и стыдом –
от забот нелегких надорвалась
и оцепенел притихший дом.

Увезла за полночь неотложка,
только и успела прошептать:
«Не забудь кормить собаку с кошкой
и теплицу утром поливать...»

... Вязкие мгновения на стенке
отмеряет маятник часов,
ноет, пуще прежнего, коленка,
кровь стучит в пылающий висок.

Как же так?
И крыть вопроса нечем:
не сумел от боли уберечь,
не подставил собственные плечи
вместо дорогих и хрупких плеч.

И во мрак кромешный и тревожный
бормочу молитвою слова:
«Не прощай мне прегрешений, Боже,
пусть она останется жива!»

08.04.04 г.

- 089834 -

Государственная
библиотека

КО

17

Югры

ПОМИНКИ

Подброшу поленьев беремя
в печурку плюющую жаром.
Баюкают ходики время,
повиснув на гвоздике ржавом.

Вот стол, и закуска простая,
и все, чем изба таровата.
В окне над березами тает
мазок акварельный заката.

Вот гости собрались к застолью,
пирог поминальный разложен,
но, то ли предчувствие, то ли
какая-то мелочь тревожит.

Не вижу участливых взглядов,
усопшему должны речи
не слышу –
лишь полосы чада
от дыма сгорающих свечек.

Набравшись для смелости духа,
поднялся и вымолвил кратко:
«Пусть будет земля ему пухом...»
И выпил до дна без остатка.

Но гости угрюмо смолчали,
от яств не отведав ни крошки,
я сел в уголок и случайно,
без мысли взглянул за окошко.

Там тучи тяжелые плыли
по меди, начищенной кем-то,
и ветры колючие выли,
и речки взъерошенной лента
в сгустившийся мрак убегала,
как будто прощалась со мною.

И горло предчувствием сжало,
холодным дыханьем покоя.

Пытаясь во всем разобраться
спросил, что ответят не зная:
«Кого поминаете, братцы?»
И понял – меня поминают...

09.04.04 г.

БАНЯ

За домом банька в зарослях полыни,
тропа в траве у огуречных гряд.
Хандра и беспричинное унынье
в душе моей, который день подряд.

По вечерам еще тепло и ясно,
но первых пожелтевших листьев лет
напомнит убедительно и властно,
что лето повернуло на исход.

Наполню бак колодезной водою,
и бересту витую подожду,
послушаю, как печь, занявшись, воет,
усядусь возле баньки, подожду.

И в предвкушенье радостной истомы
схожу в сарай, где веники висят.
За дальнею горой раскаты грома
хорошим ливнем к вечеру грозят.

Нагреется, пыхтя устало, баня,
и, позабыв недавние дела,
залезу на полок.
И легче станет,
как будто два серебряных крыла
внезапно вырастают за спиною,
и хочется куда-то улететь,
а пошлое уныние с хандрою
сменяется желанием запеть.

Исчезнут без следа остатки лени,
под прошлой жизнью подведу черту,
и вместе с ощущеньем очищенья
согласие с собою обрету.

Распаренный, намытый, разомлевший
иду домой, где ждет холодный морс,
и все гляжу, как за горою плещет
огнем небесным запоздалых гроз.

11.04.04 г.

***

Я тебя до боли понимаю
и твою обиду принимаю
наказаньем за неверный шаг.
Не печалься, все вернется снова:
ясный день у берега крутого,
где взлетала юная душа,
брызги чистых вод и отголоски
праздничной гармонии за рекой,
трепет сердца под моей рукой,
шелест ночи, выпавшие росы.

А, когда снега падут на пашни,
вспомни без обиды день вчерашний,
выйди на крыльцо меня позвать.
Я вернусь к желанной и любимой
даже из-за той черты незримой –
никому меня не удержать:
ни метелям воющим и страшным,
ни врагам в неведомом краю.
Я вернусь и снова пропою
песню неоконченную нашу.

11.04.04 г.

СТРАННЫЙ НОЧЛЕГ

Отдыхаю красиво и просто,
жгу костер над притихшей рекой.
Над горою с забытым погостом
вековечная грусть и покой.
Звезды в бархате темном мерцают,
над водою шуршат камыши
и в полях коростель окликает
долгожданную ночь.
Ни души.
Русь притихла от края до края,
потрудилась, пора отдохнуть,
словно бабочки, с треском взлетают
искры в небо.
И как тут уснуть,
если в каждом цветке и травинке
запах Родины, пенье ветров,
и на каждой заветной тропинке
встретить светлое чудо готов.
Эх, да, что я!
Чудес не бывает,
а вот ягоде, как тут не быть.
В кружку водки себе наливаю,
чтоб проникнуться и полюбить,
и почувствовать клеточкой каждой
сопричастность с родной стороной,
где меня упокоит однажды
кровь дурная и норов шальной.
Что поделатъ: таким уродился,
на родителей поздно пенять.

Эк, по жилам огонь прокатился,
разогрелась душа – не унять!
И запел.
Но запершило в горле –
у кладбища негоже шуметь.
Это – все же деревня, не город,
надо, в общем, и совесть иметь.
Стало зябко и так одиноко,
вдруг почудились где-то в кустах
тихий шепот, и выдох глубокий,
и мельканье огней на крестах.
Пробежало морозом по коже.
Испытав настоящий испуг,
лоб крещу и не знаю: поможет
крест святой от нечистых?
А, вдруг...
Сердце пойманной птицей трепещет
и в загадочном танце огня
вижу: зыбкие тени умерших
с укоризной глядят на меня.

12.04.04 г.

ОСЕННИЙ НАБРОСОК

Стоит береза старая у дома,
на жухлую траву листву роняет.
Осенний ветер с посвистом и стоном
наряд опавший по двору гоняет.

Мой старый друг, Трезор, пробравшись в сени,
храпит, свернувшись калачем у двери,
как выпивший поллитру дядя Сеня,
соседки муж по кличке Сивый Мерин.

Растаяло, согрев улыбкой, лето,
и в прошлое ушли шальные ночи,
леса в парчу и золото одеты,
и долгий сон грядущее пророчит.

А я, застряв в привычном настоящем,
сiju один, как будто жду кого-то.
И тянет зимним холодом знобящим
от стылого, туманного болота.

14.04.04 г.

К ВОПРОСУ О СЕМЕЙНОЙ ЭТИКЕ

Меж пальм и кипарисов утомленных
по берегу лазурному бродила,
Отелло ожидая, Дездемона,
и шелковый платочек обронила.

А верный Яго – мужа друг любезный
случайно подобрал и спрятал тут же.
Потом ревнивый мавр по ходу пьесы
его в чужом кармане обнаружил.

Не слушая понятных оправданий,
он стал орать: «Молилась ли ты, баба?!»,
довел жену родную до рыданий,
та, кабы знала – сроду не ждала бы.

И, утерев слезу ночной рубашкой,
в ответ такую выпалила фразу:
«Кончай свою, красавец черномазый,
истерику, и хамские замашки!»

Тут мавр, вскипев, попался в передрагу
и совершил поступок нехороший.
И нечего винить беднягу Яго,
ведь он свою жену не уколошил.

14.04.04 г.

ОТЦУ

Уже не такая осанка,
как десять тому, или пять,
и старую шапку-ушанку
упрямо не хочешь менять.

При встречах – от радости светел,
обидчив до слез, как малыш,
любой непорядок заметив,
на жизнь сокрушенно ворчишь.

Не радуют больше застолья,
все чаще – один, да один.
Пронзительно жалко, до боли,
твоих поредевших седин.

Привычно меня поучаешь,
с укором прищутив глаза.
Мгновеньями годы мелькают
и нет поворота назад.

И я, постарев, но не слишком,
открыл для себя, наконец,
что вечно останусь мальчишкой,
пока ты на свете, отец.

16.04.04 г.

УТРО

Ленивый бег задумчивой реки
и масляное зеркало залива.
Свистят в густой осоке кулики,
о чем-то беспокоясь суетливо.

Над росною поляною дрожит
обрывок перламутровый тумана,
рисуя легкой кистью миражи
на полотне небесного экрана.

В селе кричит отчаянно петух,
березовый дымок вдоль пади стелет,
и по проселку гонит стадо еле
с похмелья не проснувшийся пастух.

Взревел, кудахтнул трактор и заглох,
будя дворы, залаяли собаки,
свисающий с ветвей еловых мох
роняет капли серебристой влаги.

А я сижу, гляжу на поплавок,
задумавшись, о чем и сам не знаю.
И Родины бескрайней уголок
меня в объятых отчих согревает.

19.04.04 г.

МАЙ

Какой денек!
Не май, а загляденье!
Вчера – мороз, а нынче – летний зной.
Какое-то неясное смятение
в душе моей разбужено весной.

Чего-то не хватает.
А бывало
нас на маевку вел призыв трубы,
и над людской рекою колыхало
знамена, транспаранты и гербы.

А нынче – тихо.
В огороде гряды
заждались,
и волынить – не резон.
И молча, вместо праздничных нарядов,
я надеваю свой комбинезон.

Но, где-то раздаётся звук гармони,
и галки растревожено галдят,
цветы - на искалеченном бетоне
у башмаков всемирного вождя.

В руках старушек на ветру взлетают
линялые полотна кумача.
И бронзовую лысиной сияет
сутулая фигура Ильича.

19.04.04 г.

ГЛАДИАТОР

Наш век безумный злобою томим,
и, с первобытной яростью сражаясь,
мы, даже самым близким, вместе с ним
своим существованием угрожаем.

Бестрепетно бросая рать на рать,
от пирровых побед кичливо пыжась,
мы вовсе разучились созидать,
гонимые одним желаньем выжить.

Вчерашний интеллект сменил инстинкт,
невинный спор – кровавые разборки:
бессильные спешат укрыться в норки,
всесильным - сострадание претит.

Сжимай в руках корявое дубье,
точи на смерть врагу тяжелый кремень,
пока тебя случайно не убьет
тобой же искалеченное время.

20.04.04 г.

Киров - Серов

***

Навалилась на плечи усталость –
ни лекарство не лечит, ни сон.
Я внезапно почувствовал старость
и ее отгоняю вином.

Кровь по жилам теплом заструилась,
тает воском свечным маята,
опьянел, и внезапно открылось,
что состарился как-то не так.

Не успел насладиться весельем,
сладким медом любовных проказ,
и, хлебнув приворотного зелья,
утонуть в синеве твоих глаз.

Обожая капризы погоды,
был судьбою покоя лишен,
а листая страницы и годы,
что пытался найти – не нашел.

Понимаю, что путь мой не вечен,
но гоню страхи пошлые – прочь!
Оглянулся... закончился вечер...
и настала осенняя ночь...

20.04.04 г.

ТВЕРЬ

Закат таинственный и долгий
над белой рощею дрожит,
где убаюканная Волгой
Россия древняя лежит.
Присядь на камень, собери
все, что увидел, воедино...

Монастырей святых руины
хранят историю Твери.

Той самой, что могла Москве
и возразить, и поперечить,
где русский дух былинный вечен
в бескрайней волжской синеве,
где, дом оставив в одночасье,
навстречу славе и беде
купец и кормщик Афанасий
скользит ладьею по воде,
где говор акающий - мил,
нетороплив в своем теченье,
а возле дедовых могил
вдруг наступает облегченье.

20.04.04 г.

О ПОЛИТИКЕ

Нас снова, ребята, обули,
до нитки почти обобрав.
Холодные ветры подули
в обители призрачных прав.

И стало пронзительно жалко
прожитых без радости лет:
мотаться ни шатко, ни валко
любому по жизни не след.

Но бодро нардепы рисуют
грядущий, всеобщий успех.
Мы верили в рай, голосуя
за прошлых и нынешних всех.

Мы, кажется, крепко попали,
не ведая духом и сном,
и тянет из сказочной дали,
как, впрочем, и прежде, дерьмом.

А дальше, куда уже лучше,
посадим на трон палача...
И я надрываюсь,
беззвучно
в пустое пространство крича.

21.04.04 г.

***

Вот так они, в общем, и жили:
безбедно, но в разных местах...

Две женщины как-то спешили
друг к другу на двух поездах.
Кричали в лугах коростели
и падала летняя ночь,
навстречу друг другу летели
жена и любимая дочь.

А в тихом, таежном поселке
на клумбах пионы цвели,
и лапами старые елки
песок по проселку мели.
Все было спокойно и мудро,
как издавна здесь повелось,
но вздрогнуло сердце под утро
и вязкою болью зашлось.

И всхлипнули тяжело ворота,
и ветер в сенях закружил,
как будто невидимый кто-то
мне горькую весть доложил.
В час утра печальный и ранний
на плечи свалилась беда:
больной и почти без сознания
с постели поднялся едва.

И встав у порога, тревогу
и страхи ночные кляня,
я крикнул в отчаянье Богу:
«Они же одни у меня!»
А сердце безудержно билось
и горло сдавили тиски...

Мне это всего лишь приснилось,
но, вот, побелели виски.

27.04.04 г.

СОБРАТУ ПО ПЕРУ

Когда промелькнувшие годы считать
устанет капризная память,
есть главное в жизни – себе не солгать
и перед людьми не слукавить.

В написанных строчках – все правда, как есть:
без ретуши жалкой и глянца.
И даже враги, отдавая нам честь,
над бронзою нашей склонятся.

Подняться к вершинам в мирской суете
без горьких ошибок – едва ли.
Безгрешные ангелы в небе, и те,
нет-нет, да на землю слетают.

Все черное – черным останется пусть,
а белое – белым пребудет:
по сути воздастся, и пройденный путь,
любившие нас, не осудят.

Когда на осинах зардеют листья,
а осень полями займется,
мы будем с тобой перед Богом чисты,
нам все без остатка зачтется...

29.04.04 г.

***

Ни кола, ни двора, ни жены –
что скулить, так случилось на свете –
все равно мы России должны,
словно матери взрослые дети.

Кто измерит, какую ценой,
все, что в нас непутевых вложили?
Не однажды мы просто блажили
у нее за широкой спиной.

Но, когда становился суров
к нам Господь и пурга завывала,
нас подолом она прикрывала
от холодных, колючих ветров.

Жаль, от всякой беды не укрыть:
как птенцы из гнезда выпадали,
да цыганки на картах гадали,
как нам вместе с кормилицей быть.

И, хотя остаются чисты
покрова, а черты ее милы,
вдоль дорог все кресты, да кресты,
и безвестные чьи-то могилы.

29.04.04 г.

УТРО 9 МАЯ

Весенний ветер, утренний, ядреный,
пропитанный смолистым потом елей,
в вершинах ранним солнцем озаренных
галдящих птиц прерывистые трели.

Проснулся мир, он вновь беспечно молод,
как Феникс возродившийся из пепла,
и ветерок, ворвавшись в юный город,
в раскрытых окнах занавески треплет.

Еще машин не слышно и прохожих,
на кумачах горят слова святые,
и застарелой раною тревожат
у вечного огня цветы живые.

Встречая день, не забывайте люди
метели злой, что над Россией дула,
когда страну чеканисто разбудит
торжественная поступь караула.

30.04.04 г.

ДОЧЕРИ

Торжественно звучит в последний раз
взволнованный звонок и бьется сердце.
Прощается одиннадцатый класс
с любимой школой и веселым детством.

Сюда за руку мамы привели,
жизнь познавая, здесь вы подрастали:
девчонки незаметно расцвели,
мальчишки, повзрослев, серьезней стали.

Выходите надеждою страны
в огромный мир от школьного порога,
добавилось немало седины
в прическах ваших строгих педагогов.

Спасибо им, открывшим эту дверь,
за терпеливый труд и соучастье:
да минет их случайное ненастье,
и грусть пребудет светлой, как теперь.

А вам лететь!
Пусть будет ваш маршрут
и цели благородны и красивы,
а в душах окрыленных не умрут
высокие и чистые порывы.

12.05.04 г.

ВETERAНАМ

Свой долг они отдали до конца:
ни совести, ни чести не предали.

Потертые на кителе отца
поблескивают орден и медали.
Он стал ему велик и мешковат,
свидетель той войны и славы вечной,
но как-то приосанился солдат,
набросив китель на сухие плечи.
В ноябрьском, окровавленном снегу
ты выстоял под матушкой-Москвою...

Благодарю, Создатель, что могу
обнять отца и нынешней весной.

13.05.04 г.

ПРИРОДА

Шагнул за дверь и вышел на простор,
где ветер гнет сиреневые ветки,
и томная, как девочка-нимфетка,
ель мягкой лапкой трогает забор.

Вдохнул пьянящий воздух и забыл
недавние размолвки и обиды,
да, чертыхнувшись про себя для вида,
к природе прикоснулся и остыл.

Она, как старый бабушкин бальзам,
привычно и легко врачует раны,
а после ссор стремительных и бранных
дарует мир заплаканным глазам.

В ее ладонях, вырастивших нас,
мы, словно дети в легкой колыбели,
и музыка ликующей капли
нас воскрешала заново не раз,
и летний, сенокосно-росный зной,
и терпкий запах липового меда.

Желанная, в любое время года,
она всегда с тобой и со мной.
И шум листвы, и птиц беспечных лет
нас возвышают, приближая к Богу...

Как хорошо, что прямо за порогом
рябина белой кипенью цветет.

18.05.04 г.

***

Все уехали, дом обезлюдел,
в нем все так неуютно теперь.

Посторонние, странные люди
открывают знакомую дверь.
Безучастны суровые лица,
как у иноков в древнем скиту,
видно только пустые глазницы,
а в глазницах пустых – пустоту.
Эти гости – тоска и запой
от советов друзей-доброхотов:
видно, выпал период такой,
что ни петь, ни писать не охота.
Не звучат разговоры, как прежде,
и камин прогоревший остыл,
а в висящей на стуле одежде
вижу некий зловещий посыл.
Словно черные крылья повисли,
опустившись на пол, рукава,
и какую-то жуткою мыслью
растревожена вдруг голова.
Пятна тусклые тени и света
собираются в замкнутый круг
и неясные эти приметы
навевают внезапный испуг.
Пусть дрожат, бестелесны и мнимы,
в воспаленном сознание они,
но, как искры сгоревшие, мимо
пролетают проклятые дни.

Одиночества долгий покой
опостылел, как зимняя стужа,
и за каждой нескладной строкой
тьень потерь неминуемых кружит.
Ну, а если сначала начать,
распахнуть занавески, проснуться?..

Все, кто любит, вернутся опять,
пусть не сразу, но все же вернутся.

18.05.04 г.

***

Как ты меня достала, Русь!
Сорвавшись, как петух с насеста,
опять в присутственное место
за бесполезной справкой прусь.

К чему она?
Вопрос не нов,
и, безответен,
в незнакомом кабинете
я без нее, как без штанов.

В России так уж повелось,
что все бумагою решалось.
Веками действо упрощалось,
жаль, что-то, где-то не срослось.

Не стало легче ни на грамм:
куда не сунься – всюду гонят,
мытарят, требуют, филоняют,
но воз, увы, и ныне там.

Без нужной справки человек
нужды по-малому не справит.
Его судьбой обычно правит
не царь и Бог, а мелкий клерк.

Любой бумажке будешь рад,
не предусмотренной законом,
пока дурак сидит на троне,
а в кабинете – бюрократ.

20.05.04 г.

***

Заветный Рай в сознании людей –
зеленый сад на солнечной поляне,
где добрые, счастливые миряне
растят цветы и кормят лебедей.

Кромешный Ад – проклятие веков,
вулкан, кипящий лавою страданий,
там, где бесстыдно обнажает грани
свершенных, несмываемых грехов.

Им не пробыть и часа друг без друга,
но в этом парадокса не ищи:
и Рай, и Ад – две сущности души,
единый образ замкнутого круга.

21.05.04 г.

***

Ревет реки бунтующей вода,
природе, предвещая перемены,
на берега швыряет клочья пены
и крошево отколотого льда.

Плывут обломки сорванных мостов
и души отлетают невесомо –
истории крутые переломы
в России множат заросли крестов.

Так жизнь, ломая бедных и больных,
меняет отношенья и эпохи,
среди развалин оставляя крохи
всем остальным, оставшимся в живых.

В осколках льда, оставленных рекой,
несбывшихся надежд осколки тают,
да молится земля за упокой,
записки поминальные листая.

25.05.04 г.

***

Вот и кончилась эта зима,
оттрещала, отвыла, отпела.
Долгожданной весны кутерьма,
не успев надоесть, пролетела.

Изумрудная зелень округ,
сосны в свечках смолистых и ели,
и ручьи, убегая на юг,
половодьем шальным отшумели.

Гомон птичий наполнил увал,
отогревшись на солнце, поди-ка,
зацвела на поляне брусника,
а багульник сиреневым стал.

В ожидании яростных гроз
на спокойном еще небосклоне
лето трогает теплой ладонью
непослушные пряди волос.

На озябшей душе – благодать!
Может быть этой светлой порою
нам опять улыбнется с тобою
беспокойное счастье, как знать?

2.06.04 г.

***

В том далеком шестьдесят шестом
каждый третий, безусловно – гений:
неприятье общих фраз и мнений,
отрицанье надоевших догм.

Молодость – в поступках широка
и категорична в приговорах –
отгорела в диспутах и спорах,
сгоряча намяв себе бока.

В толчее спешащих рядом дней
не заметив, как и повзрослели,
мы упрямо продвигались к цели,
пусть не грандиозной, но своей.

Неуемность расплескав души,
вдруг однажды поняли – не вечны:
старость, не спеша, согнула плечи
бывшим покорителям вершин.

Знаем, что аукнется не раз:
нажитый за годы груз привычек -
хоть неповторим и необычен,
никому не нужен, кроме нас.

Жизнь жестока, но на первый взгляд –
целесообразность правит миром,
измельчавших, выцветших кумиров
новые безжалостно теснят.

Лишь дрожит, мерцает вдалеке
утренним лучом любви согретый
женский образ середины лета
с белой ромашкою в руке.

7.06.04 г.

***

За окошком неласковый ветер
гнет застывшие ветви берез.

Для чего я родился на свете? –
сверлит голову вечный вопрос.
Для чего принимать эти муки
повседневной, бесплодной борьбы:
неудачи, измены, разлуки
и другие издержки судьбы?
И почти от момента крещенья,
притворяясь слепым и глухим,
ждать, душой замирая, прощенья
за нажитые все грехи.
Видно, сколько веревке не виться –
предначертана доля моя.
Может лучше совсем не родиться,
не соваться за грань бытия?
От предчувствия смерти немею,
всеми фибрами плоти дрожа.
Для чего я поля эти сею,
если мне не снимать урожай?
Кто-то скажет: «Напился, конечно.
Появился на свете – живи!
В этой жизни все так быстротечно,
не копайся – мгновенья лови!»
«Дребедень – это! – кто-то заметит. –
Не сходи от безделья с ума».

Для чего я родился на свете?
А в ответ, как всегда, тишина...

9.06.04 г.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Промчался год.
Прибавилось седин.
Не радует, как прежде, пробужденье
и утро.
Надоедливо зудит
больная мысль: сегодня – день рожденья.

Встаю, хрустя коленями.
Спеша
не пропустить автобус, щеки брею.
И потихоньку хмурая душа
от предвкушенья праздника добреет.

Я начинаю мнить – не так уж плох
июньский день, когда я появился,
тем более что, сколько не резвился,
на удивленье - до сих пор не сдох.

И, как алмазы редкие в золе,
ищу судьбы оставленные меты
на пройденном пути.
Пускай мы - смертны,
но для чего-то жили на земле.

Без колебаний вновь могу принять
и взлеты, и падения, как милость.
И верю, что положено – случилось,
и нечего на Господа пенять.

18.06.04 г.

***

Все прошло.
Пройдет и эта осень,
чтобы не вернуться никогда.
Желтый лист вдоль берега уносит
темная, неспешная вода.
Постою без мысли у ограды –
ничего не варит голова –
даже жить не хочется,
а надо.
Натаскаю воду и дрова,
и у сруба неказистой бани
вдруг пойму, что значит – навсегда...

Словно плач твой – ветра завыванье,
и как дождь нагрянувший – беда.

22.06.04 г.

***

В России вечная беда,
издревле, если разобраться:
уходим в пустыни, когда
настало время в бой бросаться.

Подальше от мирских забот:
кому – запой, кому – моление,
что рюмка водки, что киот –
предполагают отступленье.

И там, в придуманном раю,
уничтожаем суть свою.

20.06.04 г.

***

А есть ли смысл жалеть о том, что тратим?
Кому нужны глупцов приобретения?
Мальчишка, что летит на самокате
богаче и счастливей без сомненья.

Лети вперед, мой сын, лети, как ветер,
дели с бездомным кров и хлеб с голодным,
и, может быть, Господь тебя отметит
талантом жить и умереть свободным.

25.06.04 г.

СНЕГ

Лишь на миг закрываю глаза,
белый снег начинает кружиться,
белым пухом под ноги ложиться,
заметая тропинку назад.

К тем окошкам, горящим в ночи
негасимым, загадочным светом,
я, волнуясь, спешил за ответом
и, спеша, заблудился почти.
Заплутал в круговерти лихой
между собственным домом и вашим,
круг замкнулся – до смерти уставший
возвратился порою глухой.

Много минуло лет.

Лишь на миг
закрываю глаза, белым снегом
рассыпается темное небо
и в груди беспричинно саднит.
Видно то, что утратил навек,
дорогим остается доньше...

Горьким запахом горькой полыни
пахнет этот не тающий снег.

4.07.04 г.

СПИРАЛЬ

Юность. Зрелость. Раннее старенье.
Дней спешащих чудные мгновенья.
Повторенье правил. Поиск прав.
Вечное, спиральное вращенье.
Цепь потерь. На круги возвращенье.
Паутины пыльные в углах.

Маятник часов давно уставших.
Смерть друзей – ровесников и старше –
а нередко вовсе невпопад.
И все реже яркие рассветы
на цветных лугах макушки лета
и все чаще – ветреный закат.

Долгий путь стремится к завершенью,
а душа к покою и прощенью.
Здесь выходит мальчик на порог.
Он неудержим, как майский ветер,
и по-детски радостен и светел
у истока тысячи дорог.

Первый шаг и первое свиданье.
Ясных дней сверкающие грани.
Музыка веселых голосов.
Юность. Зрелость. Раннее старенье.
Пройденных ошибок повторенье.
Маятник, качнувшийся, часов.

5.07.04 г.

***

Еще один листок календаря
сорвался.
Перевернута страница.
Стираются события и лица,
лишь рукописи, стервы, не горят.
Здесь между строк застряли навсегда
какие-то нелепые моменты,
полотен непонятные фрагменты,
мелькнувшие виденьем города.
Они дрожат тускнеющим шитьем
на бархате парадного мундира
и скалятся ухмылкой сатира:
мол, думал, что зарыл, а мы живем!
Мундир заплат мозаикой покрыт,
шевроны – не понять, какого цвета,
и, что вчера смотрелось эполетом,
внезапно потеряло смысл и вид.
Кого, простите, можно удивить
банальными и пошлыми словами?
Значенье их мы исказили сами
и некого, как водится, винить.
Но иногда, как старое вино,
они вскипают, серебрясь, в бокале,
и, вкус гурмана тонкого лаская,
несут нетленной истины зерно.
Там, в уголках души, читатель мой,
они знакомой песнею струятся,
и, заставляя плакать и смеяться,

мерцают путеводною звездой.
Гори, не гасни пушкинский фонарь,
лей ясный свет на темные дороги,
где мы ваяем строки, словно боги...
И пусть худеет старый календарь.

5.07.04 г.

НАБРОСОК СЦЕНАРИЯ

Коротенький рассказ:

она и он.

Она - очаровательно стыдлива,
он – благородство, мужество и сила.

Вот городок их, улица и дом.

Завидуют, и, кажется, не зря
прохожие, завидев эту пару:
он ей поет романсы под гитару,
ее глаза восторженно горят.

Весна.

Цветы.

В любви мелькают дни.

И все – прекрасно, слаженно и прочно.

Но тут в простом сюжете, как нарочно,
случайный третий вышел из тени.

Качнулся мир.

И, все же, устоял.

В ее глазах огнем металось счастье,
а он от надоевшего участия
друзей старинных от тоски увял.

Но жизнь берет свое.

Промчался год.

В круговороте дел зажили раны.

Перебесились снежные бураны –
он вновь помолодел душой.

И вот,

однажды,

у кого-то из друзей,

на вечеринке шумной встретил даму.

Тут можно бы закончить эту драму,

но простенький сюжет куда сложнее.
Прошло лет пять.
И по пути домой,
в трамвае, на какой-то остановке,
в безудержной словесной пикировке
он взгляд поймал, когда-то дорогой.
И дрогнула, попятилась душа,
внезапно сердце горячо забилось,
минувшее, как видно, не забылось,
не вымерло, когда забыть спешат.
И завертелась новая метель
с помадою на лацкане и пудрой,
с угрюмым возвращением под утро
под жалкий скрип не смазанных петель.
Четыре горя – это два на два,
полученный квадрат – не треугольник:
число предательств вольных и невольных
не перевесят правые слова.
И осознав, что нет пути назад,
он как-то выйдет за порог устало.
А утром скажут, что его не стало,
и, стало быть, рассыпался квадрат.
Песчинки судеб ветром разнесет,
огромный мир развеет их бесследно –
финал закономерно не победный,
но, всем понятный, – не наоборот.
Итог унылый рюмкою винца
товарищи печально подытожат...

И новый мальчик с девочкой продолжат
сюжет банальной пьесы без конца.

9.07.04 г.

***

Внезапно охнет сердце и
тоска смертельная подступит.

И все пророчества твои
последний миг земной искупит,
последний, дарованный миг,
уже закончившейся жизни.

А твой иконописный лик
вослед посмотрит с укоризной.
Тяжелой сломленный виной
уйду в ничто, презрен и жалок...

Но все останется со мной,
все, что двоим принадлежало.

9.07.04 г.

***

Погоди, - внушают, - не положено,
не стремись в герои паче чаянья.
Если все по полочкам разложено,
почему рискую я отчаянно?

Правилами писанными потчуют:
мол, забудь свой гонор и сомнения,
а твое упорство и настойчивость,
лучшего достойны применения.

На пути условностей испытанных,
словно в шорах без узды над кручею -
вот и рву тяжелыми копытами
землю за оградою колючею.

Но треножат конюхи умелые,
не дают потешится ретивому,
и летит, срываясь, пена белая,
и темна от пота грива сивая.

Частокол преград, по сути, надо бы
обойти дорогою окольною...
Задыхаюсь от бессилья,
падаю,
так и не увидев степь раздольную.

13.07.04 г.

ПРОВИНЦИЯ

Пулей раненой птицею
(был проворен стрелок)
умирает провинция
вдалеке от дорог.

Срубы изб сиротливые
зарастают травой,
да ночами дождливыми
за околицей – вой.

Задыхается бедная,
прямо криком кричи,
как старуха столетняя
у себя на печи.

И над каждой полушкою,
словно скаредный жид,
заслонившись подушкою
от лихого, дрожит.

Под дырявой рубахою
зябко ей, как ни кинь,
остается непаханым
дедов, прадедов клин.

Что ты, Русь, скособочилась,
где былинная статья,
неужели не хочется
снова петь и плясать?

Оглянувшись опасливо,
не спешит отвечать,
на устах черной кляксою –
вековая печать.

Как дошли окаянные
мы до жизни такой
с вечной мордою пьяною
и зеленой тоской.

Нам вернется сторицею
равнодушья итог...
Умирает провинция
вдалеке от дорог.

14.07.04 г.

***

Крутые нынче времена...
А раньше было лучше,
когда любимая страна
сидела за колючкой?

И каждый шорох у дверей
полночную порою
мог оказаться пострашней
дурацких перестроек.

Ну, потерял свои рубли –
не в деньгах счастье, мачо,
чудесным призраком вдали
капитализм маячит.

Вот, добредем туда с тобой
и заживем, как надо –
не стоит спорить дорогой
с дубинкой и прикладом.

Назад уже не повернуть,
судьбы не одолеешь,
ищи крутых изгибов суть,
иначе – околеешь.

А настоящий человек
все может, ради смеха.
И наш лихой, враждебный век
нам вовсе не помеха.

15.07.04 г.

***

Довелось заблудиться.
И ладно:
я давно к бездорожью привык.
Ненадежная нить Ариадны
завела, как обычно, в тупик.

Вправо шаг – захлебнешься трясинной,
влево – пропасти вздыбленный край,
вперед, за бездонной стремниной
недоступный мерещится рай.

Знать, везенья чуть-чуть не достало,
потому из-подлобья гляжу.
Мне бы хрупкие крылья Икара,
а трусливой душе – куражу.

Дальше видно парящему в небе,
к Богу ближе и цели ясней,
приземленные мысли о хлебе
не тревожат высоких идей.

От восторга и ужаса пьяный
я влекомый лечу высотой
над зеленой, цветущей поляной,
за далекой, незримой чертой.

Но опять пронесла мимо цели
пилотажа мудреная вязь:
крылья, вспыхнув на солнце, сгорели,
я с размаху спикировал в грязь.

Что живым оказался – отрадно,
ишь, летать захотелось, старик!
Довелось заблудиться.

И ладно:
с малых лет к бездорожью привык.

20.07.04 г.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Эта белая ночь в заповедных лесах
величавей обыденной прозы,
и качается мир на небесных весах,
рассыпая, как уголья, звезды.

Не уснуть.
От волнения трепещет душа,
переполнена счастьем до края.
Краски ночи и дня на палитре смешав
горизонт утомленно пылает.

Неподвижна озерная гладь.
В тишине
ветка хрустнет, заушает птица,
и на кромке прибоя почувдится мне
силуэт твой в сиреновом ситце.

Застилаю душистою хвоей кровать
и в объятьях ее засыпаю.
А Россия, как старая, добрая мать,
колыбельную мне напевает.

21.07.04 г.

ХОЛОДА

Встрепенется взволнованно сердце,
утонув на мгновенье в былом.
Мне махнет босоное детство
с высоты журавлиным крылом.

Горделивая птица удачи,
ты куда улетаешь, куда?
Прокурлычет прощально.
И значит,
что опять подошли холода.

Киноварью за скошенным клином
на холсте уходящего дня
на ветру пламенеют осины,
трепеща языками огня.

Знойный полдень в широкой панаме
возвращаться назад не спешит,
а холодное, мертвое пламя
не согреет застывшей души.

Роща лист потерявшая дремлет
и предвестником скорых снегов
белый иней ложится на землю
у высоких, речных берегов.

Далеко от родного порога
жизнь моя к завершению идет,
но, пока под ногами дорога,
в человеке надежда живет.

И, пускай холода – неизбежны,
заблудиться в пути не дает
над российским простором безбрежным
светлой птицы высокий полет.

26.07.04 г

В ДЕРЕВНЕ

В густой крапиве утонул забор,
польнь поднялась выше старой бани,
ворчит по-стариковски утром ранним
наш старый пес, взлохмаченный Трезор.

Его тревожат сказочные сны,
в которых, он за бабочкою что ли,
несется за деревнею по полю,
цветущему велением весны.

Прикрою дверь движением руки
и потихоньку выйду за ограду
в росистую, туманную прохладу,
на берег теплой, ласковой реки.

Здесь время опускает удила,
легко дышать, и отступают хвори.
Знакомый вид отцовского подворья
доносит ощущение тепла.

Внизу струится масляно вода,
на улове нет-нет плеснется щука,
камыш рождает шорохи и звуки,
какие не услышишь в городах.

Счастливый и хмельной сижу один
под пологом раскинувшейся сини
и нежное дыхание России
касается редяющих седин.

28.07.04 г.

ДВЕРЬ

Про дверь начну коротенький рассказ –
таких дверей в любых местах немало –
она проем какой-то прикрывала
от жадных рук и любопытных глаз.

Измученная кознями врагов,
воткнув в косяк замка стальное жало,
дверь стойко и упорно защищала,
сама не зная – что и от кого.

На всех, кто проходил невдалеке,
прищурясь, подозрительно смотрела,
да ночью оглушительно скрипела,
дрожа на залетевшем сквозняке.

Оставшись в совершенном неглиже,
с облезлою филенкою наружной,
всегда считала однозначно нужной
свою задачу быть настороже.

Но, как-то люди важные пришли,
воткнули ключ в замок и дверь открыли,
но, кроме запустения и пыли,
там ничего за дверью не нашли.

Прибрали мусор, начали дела
ремонтные решительно и бойко,
а то, что было дверью, на помойку
попутная машина увезла.

Теперь здесь – светлый холл.
Цветы – в кашпо.
И, что когда-то тут стояли двери,
как сказке мной придуманной не верит
в пределах общежития никто.

30.07.04 г.

ОКНО

Окно смотрело весело во двор,
где мелочь копошилась на песке,
а школьники горластые в футбол
играли у забора, в уголке.

Раздумчивостью славилось окно,
способностью к анализу причин,
излишней созерцательностью, но
не двигало суставами почти.

В окно недавно вставили стекло.
Его в резном наряде белых рам
с неудержимой силою влекло
в загадочную жизнь страстей и драм.

Но дюбели, забитые в откос,
держали крепко, словно кандалы.
А ветер шелестел листвой берез
и двор звенел от криков детворы.

И мячик, что метался между ног,
был, словно колобок, смешон и мил,
но так же недоступен и далек,
как весь огромный и прекрасный мир.

И оставалось искренне мечтать
о тех недостижимых краях,
где можно веселиться и играть,
не думая о смысле бытия.

Да верить, что когда-нибудь извне
в реальность случай превратит мечту...
И тут к окну, застывшему в стене,
рванулся мяч, взлетевший в высоту.

Мгновенье длился этот поцелуй:
рассыпалась невидимая грань –
сверкающий поток стеклянных струй
пролился на цветущую герань.

И тут же наступила слепота –
удар внезапный сердце разорвал,
а в дом ворвались звуки и цвета –
потусторонней жизни карнавал.

Остался риторический вопрос:
к чему порывы светлые души,
когда финал пронзительный до слез
все сущее внезапно сокрушил?

Я сам не скоро, видимо, пойму,
пытаясь эту драму описать,
зачем порой квартирному окну
о лучшей доле хочется мечтать.

05.07.04 г.

АГАСФЕР

В окладе, потемневшем от лампад,
святой какой-то, вроде рыболов,
пронзительно - суров упрямый взгляд
поверх седых, старушечьих голов.

Мне, Агасферу, вовсе невдомек,
что он, приставлен у ворот встречать,
а я – лишь ненадежный огонек,
мерцающий на тающих свечах.

Мы связаны незримо, он и я,
и эта связь безжалостней цепей.
Туда ведет дорога бытия,
немало лет я странствую по ней.

Нелегко предначертанный маршрут,
нет отдыха измученным ногам,
но, слава Богу, находиться тут
гораздо интереснее, чем там.

И я дерзаю, на себя беру
ответственность шагать наоборот,
и связь, меня опутавшую, рву,
в надежде, что вернуться повезет

Назад, где оступался и грешил
(когда во сне, а чаще – наяву),
где я любил, что означает – жил,
где я люблю, что явствует – живу!

11.08.04 г.

***

Облысевших гор черепа –
так обычны для этих мест.

По распадку спешит тропа
от реки в бирюзу небес,
где сорвавшийся скальный срез,
обнажая седой гранит,
«чертов палец» воздел, как крест
над погостом моей родни.

В разнотравье присев, молчу
у знакомых могил, в тиши.
Я всегда по долгам плачу,
оставляя себе гроши.

Значит, вышел такой расклад:
разбросало по свету нас
и уже не вернуть назад
прелесть губ и счастливых глаз.

И в случившемся вовсе нет
ни твоей, ни моей вины.

Льет черемуха белый цвет
на прибрежные валуны.
А над звонкой, шальной рекой,
где студена, как лед, вода,
эхом призрачным – голос твой:
навсегда, дорогой,
навсегда...

9.09.04 г.

ПЕСЕНКА ТУРИСТА
написанная в самолете Чита-Екатеринбург

И куда несет нелегкая меня?
Я в пути уже почти четыре дня,
заколючилась на морде борода,
поясница отнимается.
Беда!

Больно режут плечи лямки рюкзака,
туристическая доля - нелегка!
До сих пор я слаще счастья не знавал,
чем обычный, суток на двое, привал.

И к чему скулить, раз в это дело влез,
говорят, там больше дров, где гуще лес.
Я иду, давно куда не знаю сам,
и все реже доверяю компасам.

В этих дебрях ногу сломит даже черт,
только мне лесные хляби нипочем,
словно леший к одиночеству привык,
и, вообще, мужик я, или – не мужик?

Дома доблестью похвастаюсь жене,
я ее обычно вижу лишь во сне,
одного при возвращении боюсь:
может выйти неожиданный конфуз.

Журавлем любовь умчится к облакам,
слезы горькие прольются по щекам.
Ничего, я эту боль переживу:
не такие прибегут на randevу.

И пока рука тверда и зорек глаз
улыбнется счастье путнику не раз,
если выживу, конечно, и вернусь,
и в краях забытых Богом не загнусь!

15.09.04 г.

ЛИСТОПАД

Паденье желтого листа.
Последнее тепло сезона.
Неповторима и проста
лесов осенняя корона.

Мерцает темная вода,
меж берегов крутых струится,
а в небесах линиях птицы
спешат неведомо куда.

Югорский край – суров и строг –
в предзимье тихо засыпает,
цветной метелью засыпая
дождем приглаженный песок.

Дороги лента вдоль болот
торопится неутомимо,
пейзаж земли неповторимой
сменяет каждый поворот.

Как восхитительны холсты
рожденные небесной кистью,
цвета к стеклу прилипших листьев
полупрозрачны и чисты.

Машину бросив на яру,
смотрю зимы и лета битву,
и повторяю, как молитву:
«Я без тебя... тот час... умру..!»

С неясным замыслом строки,
возникшей вдруг, пока не спорю,
и растворяюсь в этом море
осенних красок и тайги.

22.09.04 г.

Я ПОМНЮ

С годами памятное – ближе.

И где бы только не бывал,
закрыв глаза, все чаще вижу
тот выпускной, июньский бал,
букеты алых роз,
а рядом
журналов импортных смелей
девчонок пестрые наряды,
костюмы строгие друзей,
в причёске бархатную ленту,
и зелень юного листа,
и всю торжественность момента,
когда вручали аттестат.

Касанье плеч, касанье пальцев,
касанье взглядов на лету,
и звуки медленного вальса,
нас уносящие в мечту –
все переменчиво и ярко:
порывы смелые таят
глаза мерцающие жарко
и губ дыхание: «твоя!»

Мрак уютного подъезда,
в котором, ты тогда жила,
нас приютил, ввергая в бездну
переплетенные тела.

Полна желания и страха,
ты мне шептала: «Ах...не тронь..!»
И билось сердце под рубахой
об онемевшую ладонь.

А от ногтей, терзавших кожу,
в груди волной вскипала кровь,
и были чувства те похожи
на настоящую любовь.

Похожи, только, – и не боле:
был инороден в мраке том
и опьянявший привкус боли,
и привкус горечи потом.

И днем спустя не стало лучше:
поколебало тень венца
холодным ветром равнодушья
в разочарованных сердцах.

...Оставив след, зажили раны,
и голос совести утих,
наверно, все случилось рано,
банально, как и у других.

Но в той заплеванной парадной
я понял много лет назад,
что время тает безвозвратно,
как таял бронзовый закат.

28.09.04 г.

***

До озноба природа намокла,
желтый лист на раскисших дорогах.
Это осень старухой убогой
постучалась в оконные стекла.

И повеяло холодом зимним,
скучной музыкой ветра и снега,
в доме тихо: ни песен, ни смеха,
только скрип половиц заунывный.

Взор печальный старинной подруги
не согреет уже, не встревожит,
осень прожитый год подытожит,
воздавая по нашим заслугам.

Но струится с холстов неумелых,
с ярких пятен гармонии цвета,
терпкий запах ушедшего лета
с теплым запахом женского тела.

28.09.04 г.

***

Все меньше нас.
Нас время сокращает.
Когда мы отрешенны и глухи,
пустые вопли плакальщиц прощают
невольные и вольные грехи.

И тот из нас, кто раньше канул в Лету,
счастливее уже и потому,
что музыку бессмысленную эту
не слышит.

В наползающем дыму
горящих свеч, в удушливом угаре,
не видит равнодушия в глазах
жены усталой и любовниц старых,
врага ухмылку, скрытую в усах.

Он безмятежен.
Значит прав – и точка!
Друзья воскурят фимиам,
негромко перемоют кости квочки,
приписанные к тризнам и пирам.

А мы в стакан нальем под эти вопли
и, то и дело, поминая мать,
да по щекам размазывая сопли,
начнем о доле собственной стенать.

Придуманных заслуг число умножив,
продолжим тлеть, привычек не сменив,
пока нас точно так же не уложат,
плитой, чтоб не восстали, придавив.

6.10.04 г.

В КОМАНДИРОВКЕ

Провинциальный город.
Шесть часов.
Гостиница невзрачная у сквера.
Вращается рекламы колесо
над полумраком здешнего пленера.

Девушки крутозадые и здесь
углы и перекрестки захватили.
Конечно, не Москва, но что-то есть,
привычное, как и во всей России.

Вот – бритая «братва» у кабака,
слетевшись стайей, что-то затевает,
попозже будет драться, а пока
испуганных прохожих задирает.

Бомж у витрины смотрит в никуда,
(успел опохмелиться, бедолага),
по всей земле у нас одна беда –
покруче Мавзолея и Гулага.

Забыли мы гордыни смертный грех,
к убогим милосердия не чая,
привыкли, что ответственность – на всех,
а, значит, - ни за что не отвечаешь.

Мы маемся не в поисках пути,
а в поисках решения, как выжить,
наперекор желанию спасти
стараясь быстрее «сделать лыжи».

А истина?

Что истина – пустяк!

Она не дальше стала и не ближе,
ее вертеть и эдак, и вот так,
умели даже бывшие, пожиже.

Наш новый кормчий видно – из мужчин,
с таким пусть жутко, но и интересно.
Жаль, вскрытие ошибок и причин
не помогает плаванью, хоть тресни.

Ковчег плача непонятен курс
по яростно бушующему морю,
лишь те, кто ухватил жирнее кус,
с доктриною озвученной не спорят.

В ней цели, что врагам не по нутру,
и жесткости размеренной хватает,
но отчего-то горечи во рту,
как ни стараюсь, ну, не убывает.

Без содроганья юным раздаем,
кому – панель, кому – бандитский нож,
пока царят в Отечестве моем
повальная коррупция и ложь.

Ответы этих самых Коль и Лиз
циничны и страшны не по летам:
опошлившись, безрадостная жизнь
нам возвращает строго по счетам.

Истории спираль всегда крута:
пожары и потопаы – неизбежны.

И все же, где-то есть намек надежды,
что кончится пустая суета,
призывы надоевшие вождей
карманных партий – тьфу, чтобы не сглазить –
в сезоне затянувшихся дождей,
плохих вестей и непролазной грязи...

Провинциальный город.
Полночь.
Дождь.
Путаны разбрелись, куда возможно.
Колотит лихорадочная дрожь
страну мою больную безнадежно.

7.10.04 г.

***

Подвергнуты страсти и тети, и дяди,
с недюженной волей и без:
лишь только седые появятся пряди,
в ребре зашевелится бес.

Короткие взгляды, случайные встречи,
улыбки, простые слова,
пьянящая музыка, сказочный вечер
и... кругом пошла голова.

Ах, зрелость, такие причуды откуда?
Но разве кому устоять:
в сиреневой кипени юное чудо
и с белым прибором кровать!

Внезапно я вновь упоительно молод,
готов без остатка шалить,
приглушенных чувств накопившийся голод
в попытке с тобой утолить.

Душа возвращается в юность по кругу,
в забытые грезы любви,
едва прикасаются к коже упругой
упругие груди твои.

Дождя золотого небесная птица
отсыплет, без меры, двоим.
И будет в сознании меркнушем биться,
что счастлив и снова любим.

И будет мерцать серебром перламутра
от губ твоих в жарком бреду...

А молодость кончится где-то под утро,
когда я домой побреду.

7.10.04 г.

ОСЕННЯЯ РАПСОДИЯ

Почему бы, нам не выпить?
Мокрый снег
исчезает на лету, стекая с крыш.
Граммов сто не помещает.
Человек –
очень сложен в понимании, малыш.

А с тобой делить печали – нет причин:
мне судьбою – пережитые года.
Отношения же женщин и мужчин
были сложными, как правило, всегда.

Наливай, коль вечерять нам довелось,
не смотри, что лысоватый и седой,
но, когда в башке дурной засядет гвоздь,
разгараюсь углем, словно молодой.

Не беда, что где-то выцвел и потерт –
силы хватит до рассвета через край.
Кушай персик.
Жаль, места, где он растет,
за кордоном нынче.
В общем – наливай.

В этой жизни все условно, как в кино:
сдуешь глянец – проступает чернота,
из цепи событий вырвали звено,
мир рассыпался, осталась маята.

Ну, да нам грустить с тобою не с руки,
Слава Богу, есть закуска и вино.
Слезы льют по старым песням дураки,
кто шустрее, пишут новые давно.

И твое шальное счастье – впереди,
я свое - на перекрестках промотал,
без причины старых ран не береди,
июность – тоже ненадежный капитал.

Что-то мне не веселится ни хрена,
значит, время старику ложиться спать.
А, последнюю, как водится, до дна.
Будь здорова!
И на койку – отдыхать...

За окном горит чахоточный закат,
переулки опустевшие глухи.
Эх, вернуться бы на двадцать лет назад,
жаль, не пустят окаянные грехи.

14.10.04 г.

***

При смене формаций, устоев,
расколе, надломах,
насытившись бреднями власти,
душой ослабев,
мы верим лишь в то, что привычно
и с детства знакомо,
не веря на йоту пророкам
и даже себе.

Нас учит обыденность
быть осторожным в поступках,
и, прежде, чем выпить отраву,
обнюхать стакан,
и не удивляться почти
с выражением глупым,
обшарив нетвердой рукой
опустевший карман.

И как тут поверить
ревнителям веры и воли,
вещающим правду свою
раз пятнадцать на дню,
когда нас обобранных
крепко корячит от боли,
да, ладно бы нас,
но и всю остальную родню.

И, лбов не жалея,
колотим в закрытые двери,

кому-то пеняем упрямо,
не видя лица.
Фома – наш любимый апостол.
Тот, правда, поверил.
Неясно вот только,
поверил ли он до конца?

15.10.04 г.

ВЕЧЕР В ЛЕСУ

Зари увядшей медленное тленье,
беззвучное падение листа.
Неясное, тревожное томленье
рождают заповедные места.

Кровь гроздьев обмороженной рябины
разбрызгана рубиново-густа
по сетке невесомой паутины
окрашенного инеем куста.

Пейзаж осенний тихо догорает,
звездой надежд украшен небосклон,
той самую, которая сияет,
еще с евангелических времен.

Пуглива ночь, как ночь перед распятым,
крадется между сосен, вдоль реки,
касается сырым подолом платья,
как смерти длань, пылающей щеки.

Стремительны и четки измененья
теней и звуков, падающих в мрак.
Все цепенеет.
Только воскрешенье
неодолимо.
И да будет так!

Ах, как прекрасны выгнутые своды
над головой мерцающих небес,
чуть слышное дыхание природы,
и зеркало воды, и сонный лес.

Земля родная, верный мой товарищ –
опора на привале и в пути.
Я знаю – все, чем ты меня одаришь,
нигде на свете больше не найти:
ни воздуха напитанного хвоей,
ни тех забываемых часов,
что будут нам подарены с тобою
под кровом этих северных лесов...

Рогатый филин на еловой ветке
баюкает взошедшую луну.
И я шепчу: «Господь, за что мне это?
За что мне это счастье одному?»

20.10.04 г.

УТРО

Оцепенел, продрог столетний бор,
прохладный воздух вязко-неподвижен,
язык тумана осторожно лижет
багульником заросший косогор.
Над горизонтом, различимый еле,
украшенный звездой профиль ели.

Несмелый звук в безмолвие проник:
вздыхает тяжело, булькая, болото,
и сучьев треск под тяжестью кого-то
пугает, словно в детстве лесовик.
Тревожно в стайку сбились облака
почти неразличимые пока.

Порозовел стремительно восток,
загомонили, просыпаясь, птицы,
качнул листвы намокшие страницы
вспорхнувший на березы ветерок.
Рассвет еще таинственно разрезен,
но, как рождение утра, неизбежен.

На облаке возник мазок огня,
и, наливаясь нестерпимым жаром,
поднялось солнце раскаленным шаром,
сменяя полумрак на краски дня.
Луч солнечный прикрытых век коснулся,
и человек, проснувшись, улыбнулся.

21.10.04 г.

ДЕНЬ

День облетел листком календаря,
неяркой тенью отразившись в лужах,
как и другие – с пафосом натужным
и скучной суетой.
Короче, зря!

А утром быть счастливым обещал,
какие-то события намечались,
по улицам авто куда-то мчались
и телефон без устали трещал.

В динамике звучали голоса,
вещали об открытиях и встречах,
но день тихонько превратился в вечер,
быстрее, чем вчера, на полчаса.

Тянувшийся отрезок временной
истлел без сожаленья и остатка,
оставив на душе осадок гадкий
с непонятой, саднящею виной.

Снег начал падать тихо и светло,
сгущаясь в темноте, не так уж что бы,
но через час глубокие сугробы
поземкою к подъезду намело.

На белом - черным вытянулась тень
замерзших тополей, а ближе к ночи
жизнь человека сделалась короче
еще на день.
Увы, на целый день.

25.10.04 г.

НОЧЬ

Неотвратим бесшумный взмах
могучих крыльев звездной птицы.
В окно прикрытое струится
ночных тревог животный страх.
Мерцают в сумерках густых
глаза суровые святых.

Пугающей до дрожи тьмы
сжимает сердце жгучий холод.
В разрывах туч сверкнул осколок
безликой, мертвенной луны,
икон оклады осветив,
их превращает в негатив.

Господь, спаси и помоги!
Души встревоженной смятенье:
в углах мелькающие тени
и чьи-то тихие шаги
крадутся плотью неземной
и затихают за стеной.

Не очень верующий что б,
пытаясь справиться со страхом,
персты сложив в шепоть, с размахом
крещу впотьмах вспотевший лоб.
На всякий случай, от греха –
до первых криков петуха.

Станислав Юрченко

Молитва гонит бесов прочь.
Стекло оконное светлеет
и разжимает когти ночь
на волосатых лапах ели.
Лампада вечного огня
не обожги – согрей меня!

26.10.04 г.

***

Принять решение – несомненно, трудно,
и, в общем-то, не каждому дано.

Кипение собраний многолюдных
похоже на игристое вино.
Толпой всегда эмоции играют,
пытаясь пеной хлынуть через край,
но, кто на свете пожил, точно знает,
что толку нет, как сворой не играй.

Блестящий ум решение задачи
не отдает на откуп дуракам
и пламенным ораторам, иначе
случается в Отечестве бедлам.

Потребуется воля и уменье,
когда потоп, когда пожар в доме.
Пусть будет трудным жесткое решение,
но принимать придется одному.

И неизвестно, что толпа подарит,
слепая баба – как уж повезет! –
и, может быть, безжалостно раздавит,
а, может быть, на небо вознесет.

Так будет вечно, если вам угодно,
но опыт учит не рубить с плеча,
и голову держать всегда холодной,
хоть кровь в стучащем сердце – горяча.

27.10.04 г.

***

Этот дьявольский век нас нещадно мытарил,
гнул, как ивы под ветром осенним, упрямо,
но, прибрав головешки смердящие гарью,
мы опять начинали строительство Храма.

И, когда опускались бессильные руки,
а глаза пеленою ночной застилало,
отгоняя отчаянье, страхи и муки,
нам великую книгу Надежда читала.

В спертом воздухе лет пустоты и безверья
наша молодость нам не давала сломаться,
и в потемках сомнений заветные двери
мы искали, пытаясь в себе разобраться.

Полной мерой крушенья кумиров изведав,
не обряща ни истинной веры, ни Бога,
кто-то вышел на свет, окрыленный победой,
а кого-то безжалостно смяла дорога.

Не нашедших в огне опаляющем брода,
память юных потомков не сделает краше.
Все, кто дальше пойдет, обретая свободу,
помолитесь за нас: за живых, и за павших.

28.10.04 г.

ВЕСНА

...А весна задумалась о лете,
обнажив в проталинах траву,
россыпь рыжеватую отметин,
вытаявших густо на яру.

Облетает с обогретых сосен
чешуя янтарною слюдой
и на перекатах звонких сброшен
хрупкий лед взволнованной водой.

Радуетя солнцу старый ворон,
он-то знает точно, что к чему.
На рябинах – воробьиный гомон,
тонет падь в березовом дыму.

Топят бани.
Значит – воскресенье,
тут любой, и трезвенник, нальет.
Сельское народонаселенье
надевает чистое белье.

У сельпо, как на навозе мухи,
мужики и пьяненький галдеж.
Крестят лбы замшелые старухи:
ишь, срамно гуляет молодежь.

От сельпо доносит перегаром
и соленым, матерным словцом.
А из клуба, бывшего амбара,
высыпали девки на крыльцо.

Краснощеки, в новеньких нарядах,
полногруды – глаз не оторвать,
парни молодые вьются рядом,
норовят, охальники, память.

Да, в других местах таких девчонок
не отыщешь, хоть кого спроси:
запоют – доходит до печенок,
как и раньше на святой Руси,
до слезы, которая горчит,
но и боль сердечную облегчит.

Песня на Руси все хвори лечит,
даже если голосом кричит.

А сегодня ясно и светло
на душе очищенной от хлама,
тянется дорога за село
одинокое через поле к Храму.

Ветер, как щенок игрив и ласков,
чинно и размеренно окрест.
Не иначе – наступает Пасха.
Ранняя весна.
Христос воскрес!

2.11.04 г.

***

Эх, ма!
Опостылела эта зима.
Все назойливей зябкою ночью
промелькнувшие призраком сны
пахнут ласковым ветром весны,
терпкой свежестью почек.

Промерзают у хаты углы.
В окнах тусклых клубящейся мглы
проплывают седые обмылки.
Дышит печь ненадежным теплом
и сверчок причитает псалом
из невидимой дырки.

Каждый день
все одна же и та дребедень:
разгребанье фанерной лопатой
до петель занесенных ворот,
да сольфеджио воющих нот
вьюги – суки лохматой.

Этих дел
наступает какой-то предел,
пути холода мысли треножат.
Вот и греется молча душа,
в одиночестве водку глуша,
отогреться не может.

Улететь?
Обязательно нужно успеть
с перелетом в грядущее лето.
Может быть на цветущих лугах,
где когда-то глумилась пурга,
позабуду про это.

9.11.04 г.

***

...и все же, нас не унесло
холодным ветром равнодушья
в тупик глухой,
где нет ни музыки, ни слов,
желанья петь, умения слушать,
лишь только вой.

Где боль чужая – просто зуд,
неизлечимая зараза,
а совесть – прах,
где по понятиям живут,
где осуждают по приказу
и сеют страх.

Но мы добьемся перемен,
преодолев души надлом,
мы можем.
А Русь поднимется с колен,
и я твержу судьбе назло:
«И все же...»

17.11.04 г.

БАЛЛАДА О БАНЕ

Приготовили баньку.
Попарились.
Воздух в бане духмяный, берёзовый.
За накрытым столом растабарились:
любим мы поболтать не тверёзые.

Нинка, наш секретарь, разругянилась,
растрепалась кудряшками рыжими,
после первой – второй остограммилась,
и стреляла глазами бесстыжими.

А начальник на мысли наталкивал
про политику, как на собрании,
ну, а я на коленки на Галкины
все смотрел, подавляя желание.

Рядом жалась милашка пугливая,
прикрываясь, как сари, простынкою,
поправляла рукой торопливою
непослушную прядь под косынкою.

Неприступной казалась и гордою,
но смотрелась шалавою порченной,
я полез было с пьяною мордою,
получил и отпор, и пощечину.

Долго ржали подруги противные,
а потом зазвучала мелодия,
под фокстрот оттоптал с Валентиною,
от конфуза очухался, вроде бы.

Кашу с Валькой не сваришь, известно всем,
потоптался и к рюмке пристроился.
Взял гитару, настроил любезную,
заиграл и совсем успокоился.

Пел романсы и прочие опусы,
современные песни и старые,
и струились меж пальцев, как волосы,
дребезжащие струны гитарные.

Зарядил им концерт на пол вечера,
со слезою напевами потчевал,
знал, зараза, как чувствуют женщины
одинокую душу и прочее.

Приумолкла честная компания,
стал задумчивым взгляд у испуганной,
а потом не сдержала рыдания,
заревела в платочек белугою.

Водка лилась рекою, без паузы,
меж тостами и песней застольною...

...Я проснулся под утро и сразу же
ощутил беспокойство невольное:
слева Нинка, а справа, ну надо же,
русый локон и грудь приоткрытая
под рукою, как теплый оладушек,
да шальные глаза мной забытые.

В общем, понял я братцы: не следует
доверять до конца впечатлению,
и какой никакой, но победою
наслаждаться при должном терпении.

23.11.04 г.

ДИАЛОГ В БАРЕ

- Ах, какие типажи!
- Не скажи.
- У девицы, что за стойкой,
профиль выдержанно-стойкий.
- Ну, а дядя рядом с нею еле жив.
- Он едва живой,
но платит с лихвой.
Деньги, друг мой, знаю с детства –
обязательное средство
обрести минуту жаркую с любой.
- Э, да что там говорить,
лучше пить!
В этой жизни, где придется,
даже совесть продается,
отчего же что-нибудь не прикупить?
- Эй, гарсон, неси скорей,
да налей!
Жалко, долларов не густо,
не гульнуть, чтоб было пусто!
- Не грусти, джигит, гляди повеселей.
- Как тебе на вид вот та?
- Красота!
Хороша, особо статью,
впечатляет даже в платье,
только жаль, что под прической пустота.

- А, пошли с тобой
на угол Тверской.
Есть там девочки не хуже,
мигом голову закружат,
да и ценник не особенно крутой.

- Но и лоск не тот,
а, впрочем, вперед!
Эти нам не по карману,
как не вспомнишь тут Светлану:
позвонил – и ни тревоги, ни забот.

- Далеко она,
где нынче зима.
А, ведь, были неплохими
наши праздники лихие
в те далекие, святые времена.

- Пролетели те года.
- Это – да!
Есть мечта, как говорится,
упорхнувшую жар-птицу
отловить, пусть в седине борода.

И пошли они, качаясь в ночи,
отдохнув от опостылевших дел,
а снежок осенний пухом летел,
превращаясь на асфальте в ручьи.

На витринах – отражение цветов
полыхающих рекламных зарниц.
И никто из придорожных девиц
не взглянул на две фигуры в пальто.

24.11.04 г.

ВЕСЕННЯЯ РАПСОДИЯ

Просит музыки светлой душа.
Над оттаявшей, свежей тайгою
и звенящей ручьями водою
птицы к гнездам знакомым спешат.

Невесомо – чисты облака,
старый пенёк обомшело – безликий
подставляет под солнце бока,
обнажая рубины брусники.

Снег на северных склонах зернист,
но уже над природой не властен,
свиристелей малиновый свист
будит в сердце надежду на счастье.

Отбивает по жести капель
дробь мелодии в ритме фокстрота,
ясный май провожает апрель
напевая веселые ноты.

Дорогая, проснись, погляди,
как весна превращается в лето,
завтра смоют косые дожди
зимней сказки простые приметы.

Краски утра меняют цвета
на березах до боли знакомых.
Жизнь прекрасна.
И, значит, мечта
не покинула нашего дома.

25.11.04 г.

***

Струйки дымов из печных дымоходов,
иней сверкает на ветках березы.
Непостоянны капризы природы:
давеча – оттепель, нынче – морозы.

Впрочем, и в жизни обычно не лучше:
рядом с улыбкою – слезы нередки.
Правит судьбою, как правило, случай,
двигая нас, словно пешки по клеткам.

Черная клетка, как топь равнодушна,
встал – и до пояса в жиже вонючей,
тянешься в страхе рукой непослушной,
воя о помощи, к ветке колючей.

Белая – дарит души озаренья,
детскую радость и теплые встречи.
Жаль, что любви и надежды мгновенья,
как ни прискорбно, но все же не вечны.

В этих не понятых противоречьях,
в поисках трудных меж раем и адом
и проявляется суть человечья,
необъяснимый вселенский порядок.

26.11.04 г.

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Морщинит ветер гладь туманных вод.
Не ты ли так же маешься, Россия,
не ведая, куда ведут мессии
твой терпеливый, страждущий народ.

Соборные звонят колокола
о непонятной зарубежью правде,
она тебя к причастию звала
на тихой, Богом выбранной, Непрядве.

Твои свершенья силились понять
в сказаниях отеческих и ныне,
ты в будущее выстелила гать,
овеянная ветрами степными.

От южных склонов до полярных льдов,
от ближних рубежей до самых дальних
ковала славу русских городов
без устали на русских наковальнях.

И в годы смуты, ересей пустых,
когда в огне кровавом нету брода,
тебе дарил героев и святых
великий подвиг русского народа.

Булатом бранным отведя беду,
свободным оставался он, пусть нищим,
бросая горстью жито в борозду
родной земли на старых пепелищах.

Не зря тебя былинною зовут:
ты ворогам не уступала сроду!
За что ж тебя опять на части рвут
птенцы твои, вкусившие свободу?

Ты выступишь, сражаясь и любя,
мы – защитим твое предназначенье,
великий смысл деяний, и учений,
и веру, сохранившую тебя...

...Вода веков сочится сквозь песок –
душа России не приемлет сроков.
Мы русскими пребудем от истоков,
смешав в себе и запад, и восток.

30.11.04 г.

ПОТЕРЯННЫЙ БРОД

Нас растила не зря
сильных духом земля,
и в снегу, и в огне закаленных.
И народная рать,
уходя воевать,
не пугалась водицы студеной.

И любая река
волновала слегка.
Эта выучка – что-то, да значит!
Через пажити брод
знал когда-то народ,
а сегодня плывет по-собачьи.

Раньше искренний друг
свой спасательный круг
неумелым предложит, а ныне,
что есть силы гребя,
каждый сам за себя,
сильный слабого топит в пучине.

Честь и совесть подчас
не в почете у нас,
да и правда в глубоком загоне.
Одинокий пловец,
приближая конец,
молча воду глотает, и тонет.

Далеко-далеко,
в душном мраке веков
Русь гордилась делами иными.
И несет нас вода
неизвестно куда,
Слава Богу, покуда живыми.

30.11.04 г.

ГОРОДУ

Пусть ветры северные свищут.
Преображаясь между дел,
мой город стал светлей и чище,
и незаметно повзрослел.

Места знакомые не сразу
узнаешь через столько лет,
где с девушкой зеленоглазой
встречал задумчивый рассвет.

Рисунок зданий и фронтонов
непритязателен и строг,
и зелень сочная газонов
накрыла мраморный песок.

Когда трелевщики ревели,
корчуга темные боры,
и пилы острые звенели,
и грызли бревна топоры,
мы были юны.

Нас влекли
задачи трудные и цели.
Мы кое-что с тобой сумели
создать на краешке земли.

Вставали первые домишки
меж сосен вздыбленных в логу
и перепуганные мишки
спешили спрятаться в тайгу.

Рождая образы и звуки,
ты жил и строил для людей,
и наших первенцев баюкал
в ладонях первых площадей.

Привычки нам меняла круто
неугасающая ночь.

Не все привыкли к неуюту
и кое-кто уехал прочь.
Жаль, кто сродниться не сумел
с твоим характером, не скрою.

...Я тоже старше стал с тобою,
но, смею думать, - помудрел.

2.12.04 г.

***

Протоплю камелек на даче,
приготовлю, спеша, обед.
Из окошек, почти не зрячих,
тускло-серый струится свет.

На разохшийся стул присяду,
подожду дорогих сестер.
Много лет ожидаю кряду
всех троих, собирая стол.

Может быть, завернут, как прежде,
на мерцающий свет в окне
Вера с младшей сестрой Надеждой,
И Любовь, что приснилась мне.

Вера мне посылала письма
из лесных, отдаленных мест,
в них рисунок прожилок листьев
так знакомо похож на крест.

Помогая поверить в чудо
и забытой Любви слова,
сообщала, что точно будут
через месяц, ну, скажем, два.

Пролетело с тех пор немало:
бедолаги растянут век –
погасило в глазах усталых
озорной, неумный блеск.

Тяжелеют с годами плечи
и поется за упокой –
вот и жду беспокойно встречи
с этой троицей и судьбой.

Но безмолвны входные двери,
лишь Надежду в душе храня,
как дитя продолжаю верить,
что они навещают меня.

3.12.04 г.

***

Нас по свету, как щепки носило,
с берегов нашей юности смыв,
смерть друзей без разбору косила,
а меня пропустила, забыв.

Но и мне в этой жизни досталось:
всех потерь и побоев не счесть –
не достукался самую малость,
сохранил непоруганной честь.

От решенья задач непосильных
обветшал и совсем поседел –
на бескрайних просторах России
нынче правит судьбой беспредел.

От раскинутой сети паучьей
не укрыться, крути - не крути.
Тут подумаешь: может быть лучше
было вместе с друзьями уйти?

Наглotalся беды – вот и вою,
непрерывно уставший кричать,
существо безусловно живое,
но несущее смерти печать.

3.12.04 г.

ОДИССЕЙ

Лавируя, словно кораблик,
в пучине ревущей, у края,
я снова на старые грабли,
урокам не вняв, наступаю.

Безжалостно парус истрепан,
но курс мой не в тихую гавань –
навстречу своей Пенелопе
то влево скольжу я, то вправо.

Не стал прохлаждаться с другою,
пока Аполлон всемогущий
меня не послал, как героя,
не в бездну, а в райские кущи.

Кутила, игрок и повеса –
над смертью смеюсь я, не скрою,
не зря мы, шутя, с Ахиллесом
сожгли обнаглевшую Трою.

Елену вернули.
Но честно,
не знаю, а нужно ли было?
Она же, как стало известно,
из прихоти с греком уплыла.

Я с детства девицам не верил,
а женщин менял, как перчатки:
любил и рабынь, и евреек,
но всех аппетитней – гречанки.

И сам я рогат, может статья,
ведь баба – есть баба, однако.
Знать, черт меня дернул помчаться
к чужим берегам, от Итаки.

Зачем мне дались эти греки?
Мечусь по волнам суетливо,
а мог ведь прожить человеком
под сенью цветущей оливы.

6.12.04 г.

ГРАФОМАНУ

Мечтает пробиться в герои,
с великими выглядеть равным,
и землю копытами роет
с усердием тщетным исправно.

От басен смешных и неловких
читателя строгого мутит,
и муза его – полукровка,
калека хромая по сути.

Поэзии тайна закрыта,
а он излагает натужно.
Довлеет ему быть забытым,
как строчке пустой и ненужной.

6.12.04 г.

НАЧАЛЬНИКУ

Когда-то был веселым работягой,
но должность оседлав, угрюмым стал.
Ответственность испортила беднягу –
улыбку на лице сменил оскал.

Теперь к нему без боя не пробиться,
его вниманье нынче не для всех,
хотя он лишь двенадцатая спица
в расхристанном тележном колесе.

Заброшенный наверх фортуной-дурой,
прислушайся, что вынесла молва:
не бронзовой раздавшейся фигурой,
ведь бронза, как известно, дешева!

7.12.04 г.

ЛИЗОБЛЮДУ

Обычно напряжен и озабочен,
угодливо подтянут и побрит,
готов сиять улыбкою, короче,
всех, кто имеет власть, боготворит.

Прогнувшись до земли, слюну пуская,
он радостно взлетает в облака,
когда его за ухом поласкает
холеная хозяйская рука.

8.12.04 г.

ТАЙГА

Над темною водой горит костер,
с дымком уха, в руке краюха хлеба.
Июль-повеса над землей простер
высокое, негаснущее небо.

Я, как ребенок, снова удивлен
твоей, тайга, врачующею силой.
Немало пролетело с тех времен,
когда ты эту тайну приоткрыла.

Пусть стар и сед я, сердце, как всегда,
колотится в груди неудержимо,
и, что мне, промелькнувшие года,
взыскующему веру пилигриму.

В зеленом храме этом божья тварь
высоким смыслом сущего согрета,
под пологом его горит фонарь
нетленной жизни выткавшей планету.

Знакомый запах листьев и травы
тревожит и волнует неизменно.
Философы, как водится, правы:
природа – бесконечна, люди – тленны.

На этот мир чарующий влюбленно
и трепетно не устаю взирать,
вполне счастливый, умиротворенный
на лапнике укладываюсь спать.

Тумана невесомая завеса,
деревьев кроны тихо шелестят –
и шорохи загадочные леса
баюкают уснувшее дитя.

8.12.04 г.

МОНОЛОГ ЛЕШЕГО ИЗ ЛЕСНОГО БОЛОТА
(СКАЗКА)

У болота, нор глубоких нарыв,
звери разные и нечисть давно
проживали замечательно, но
без удобств и в помещеньях сырых.

Так и шло бы до скончанья веков,
но создали некий сказочный фонд:
чтобы в неге и тепле жил народ.
Осчастливили, считай, дураков!

Ягод всяких подсобрав, разных трав,
вместе сбросились, мечтая о том,
что построим теремок, либо дом,
гнить в болоте, наконец, перестав.

Думал я, какое счастье, друзья –
умный леший поддержать дело рад.
Утвердили, торопясь, аппарат,
а директором на фонд – Соловья.

Соловей Омарыч был издаля:
из заморских горных мест прискакал.
Для зачина нам исполнил вокал
и взаимопонимания для.

Дескать, это – будет так и вот так,
нужно только рукава засучить,
и любому угол свой получить,
да в такую цену – просто пустяк!

Сдать к морозам теремок обещал:
поднатужимся – все выполним в срок,
есть в наличии цемент и песок.
Замечательно так пел и трещал.

Но в назначенный, торжественный день
не сложилось что-то, просто беда!
На болоте нашем, как и всегда,
дело правят неуменье и лень.

Начал зверь лесной тревожно жужжать:
сколько можно ждать, последнее сдав?
Фонд глотал ресурсы, словно удав,
а цена разбухла, как на дрожжах.

Стали чаще собираться гурьбой,
кропать жалобы и митинговать,
Соловья и мать его поминать,
ведь болтать – не строить: знает любой.

Наконец, нас заселили, и что:
холод с насморком в презент получай!
Околевший наливаю не чай,
для сугрева завернувшись в пальто.

А Омарыч? Да ему – наплевать
на житье мое, туды-растуды!
Бабки срублены, все прочее – дым,
над пустыней миражи, так сказать.

Волк, конечно, разобрался бы вмиг,
да, похоже, и ему – недосуг.
Неуютно как-то в нашем лесу,
жаль, не слышит, отдыхает, старик.

От причин таких расстроился я,
да, и как уравновешенным быть?
Есть желание пойти утопить
на болоте болтуна Соловья.

Был бы только после этого толк,
но при наших, братцы, скорбных делах
не предскажет ни Христос, ни Аллах,
что получится.
Тем более – Волк!

15.12.04 г.

***

Малиновый закат
растаял между сосен –
как бесконечна ночь,
томительна тоска.
Шагает по земле
таинственная осень,
касается щеки
и дышит у виска.

Застывшая вода
с полоскою тумана,
как зеркало судьбы,
чиста и холодна.
И запах прелых трав
напоминает странно
тончайший аромат
анжуйского вина.

Легучий дым костра
и пламени мерцанье –
вне временной приют
возникшего стиха.
Срывается душа
с незримой, тонкой грани
меж святостью любви
и бездною греха.

Ах, для чего они,
придуманые сказки?
Мелькнув звездой с небес,
сгорает этот год,
и новая зима,
раскрасив белой краской,
закроет между дел
тяжелый переплет.

20.12.04 г.

ЩЕНОК

В ущелье грязного квартала,
где над асфальтом плотный смог,
комок дрожащий и усталый –
выл потерявшийся щенок.

Спеша, его никто не слышал
сквозь рев машин и снега скрип.
Вой становился тише, тише,
переходя почти на хрип.

Спиной прижавшись к старой липе
и с лапы слизывая кровь,
он суку звал, и в каждом всхлипе
звучали мука и любовь.

И, все же, совесть не уснула:
наперерез глухой толпе
к щенку продрогшему рванулась
девчушка с куклою в руке.

Она светилась, как мадонна,
комочек плачущий обняв,
и он затих, тепло ладоней
за ласку матери приняв.

Святая, русская мадонна,
всех, кто растерян, обогрей
любовью матери бездонной
и бабьей жалостью своей!

Пусть в ясных, девичьих глазёнках
дрожит лампы Божьей свет –
души возвышенной и тонкой,
которой в мире краше нет.

21.12.04 г.

НА РАСПУТЬЕ

«Узорочье Руси» - так в старину называли лучших защитников Отечества, настоящих патриотов, соль земли Русской.

Дорога в три хвоста
и камень в три обхвата:
куда теперь идти –
кругом одна беда!
Знакомые поля,
родившие когда-то,
забил чертополох,
мокрец и лебеда.
Здесь, не страшась суда,
шалают лихие люди,
и правит не закон,
а деньги и кулак.
И верного пути,
в надежде – Бог рассудит! –
не ведает никто:
куда, зачем и как?
Гуляет гольтьба,
напившись, воду мутит,
под пьяную слезу
правителей кляня.
Задумался народ,
как витязь на распутье:
здесь голову снесут,
там уведут коня.
Куда пропала стать,

решимость и отвага?
Почти, что ремесло –
на Родину плевать!
Поднялась, как грибы
в гнилом конце оврага,
хватаяющей куски
нечистой силы рать.
Не верю, что в краю –
от моря и до моря –
исчезли навсегда
подвижник, и герой,
и сказочный Руслан,
и дуб у Лукоморья,
раздолье трав степных,
и купол голубой.
Кому теперь пенять?
Неужто, стать рабами,
и голову склонив,
подставить под топор?
Не стыдно ли, винясь
над отчими гробами,
пускать в рукав слезу,
а не давать отпор.
Узорочье Руси –
ее святая сила!
В родной земле отцов
их всех не перечесть:
от черни до князей,
защитников России,
ценивших - не мошну,
а праведность и честь.

Очнитесь ото сна!
Отечество больное
взывает к сыновьям
и криком голосит.
И, может быть, опять
сохою и бронёю
узорочье его
спасет и сохранит.

21.12.04

УГРЮМЫЕ СТИХИ

Не пишется, хоть тресни, ничего,
радикулит разбуженный мозжит.
...Печальной Музы легкое крыло,
как вентилятор старый дребезжит...

Унылый дождь – понятно, не грибной –
предвестник скорых северных снегов,
раскинул паутину над землей
у глинистых кондинских берегов.

Он не похож на дождь, а, так – туман,
но моросит, проклятый, целый день.
И даже встать, плеснуть себе в стакан
не хочется ни сколько.
Просто – лень.

Почти неделю – слякоть и вода,
и гнусный, как моча, апперитив.
Какой же черт занес меня сюда,
в изгнанники навек определив?

И почему живу я не в раю,
на берегу, где чуточку теплей,
а в диком, заболоченном краю,
куда ссылали раньше бунтарей?

И слово-то, какое – НИЧЕГО! –
пустое место, бесполезный звук.
...У Музы, видно, треснуло крыло:
опять какой-то непонятный стук...

Ишь, бедная, старается в поту,
да, видно все старания – не в прок.
Сижу и, подавляя зевоту,
бессмысленно гляжу на потолок.

По потолку елозит таракан,
спешит куда-то по своим делам.
Эх, встать бы, да прихлопнуть дурака,
Но лень вставать.

И, снова, где-то там –
из мглы, где паутина и паук,
а мышь давно гнездо себе свила,
доносит до меня неровный звук
и бряканье проклятого крыла.

В душе моей бушует ураган,
он – пострашней любых январских вьюг.
Я, все же, встану, и налью в стакан,
и девку эту гадкую убью!

23.12.04 г.

КРЕСТ

Заброшенные избы без дымов,
заросшее крапивою подворье.
Где нивы и дубравы Лукоморья –
прекрасные виденья детских снов.

Не слышно оживленных голосов,
и петухов, поющих утром ранним,
лишь отмеряет маятник часов
тягучие минуты угасанья.

Не весел на Голгофу крестный путь
России, опустившей низко плечи,
подняло половодьем бурным муть
со дна твоих всегда кристальных речек.

Воспрянь, отринь неведомых богов!
Но не видать за серой пеленою,
застившей солнце мутною стеною,
обетованных, райских берегов.

Горька полуразруха отчих мест –
я скрежещу зубами от бессилья,
и давит с хрустом кости тяжкий крест,
тот самый, что взвалили на Мессию.

27.12.04 г.

***

За старым плетнем, за околицей
росистый раскинулся луг.
В избушке побеленной горница
выходит окошком на юг.

Там сумрак сменяется заревом
над убранным рыжим жнивьем,
да, давеча бурые, старые
осины пылают огнем.

Пастух гонит стадо на выпасы
и в форточку тянет дымком.
Рассвет нежно кисточкой выкрасил
сосну над прибрежным песком.

На улицу выйдешь – как дышится!
А, где-то, вдали, за селом
вдруг эхом негромким послышится
плывущий, малиновый звон.

Туман свою сизую бороду
успел над водой распустить.
И думаешь, стоит ли в городе,
как мы, окаянные, жить?

28.12.04 г.

***

Я только гордость утверждать
старался криком, чуть не плача,
когда пытался доказать,
что мир – такой, а не иначе!

А, мир с улыбкою смотрел
на эти странные причуды,
и оставался, как умел –
необъяснимым словом чудом.

28.12.04 г.

***

Треснула ветвь краснотала,
вдрогнуло сердце тревожно,
зябким испугом обдало
вдруг побледневшую кожу.

Жутко в чащобе качнулись
темные, зыбкие тени,
птицы в ночи встrepенулись,
в звездное небо взлетели.

Эха далекого хохот
страх порождает подспудно.
Трусом быть стыдно и плохо,
впрочем, как и безрассудным.

28.12.04 г.

***

Иллюзорен и зыбок
окружающий мир:
в море милых улыбок
каждый третий – вампир!

Точит зуб кровожадно,
а в кармане – стилет,
но на морде парадной
капли мерзости нет.

Вот и мы средь иллюзий
не отыщем дверей
и вползаем на пузе
в хоровод упырей.

28.12.04 г.

ПОКАЯНИЕ

Мы родились без Бога в сердце,
несчастливой взойдя звездой.
А «крещендо», «стакатто», «скерцо»
нас вели на последний бой.

Мы крушили устои быта,
рвали цепи под трубный глас,
у разбитого вдрызг корыта
оказались в недобрый час.

Вдруг увидели, что куда-то,
к тупику привел сатана.
По скользящему вниз «легато»
покатилась к чертям страна.

И завыла нечистых сила
у кипящей смолы котла –
правду, словно траву, косила,
да сжигала в огне дотла.

Лишь одно мою Русь излечит:
богоданных святых слова,
кровь, пролитая, тысячелетий,
и Надежда, что в ней жива.

подавив суеты химеру,
у истоков, прозревший вновь,
я опять обретаю Веру,
что питает в душе Любовь.

29.12.04 г.

ЮГРА
(диптих)

1

Болота, да мхи между сосен,
растаявший зимник притих.
Весенней распутицы просинь
и кружка – одна на двоих.

Огонь,
котелок на треноге,
спокойная, тихая речь,
и нет ощущения тревоги,
и можно на ватник прилечь,
взглянуть в небеса голубые
и вспомнить, прикрывши глаза,
как здесь появился впервые,
лет тридцать, однако, назад.

А воздух цветением наполнен
неброских, таежных цветов,
и ельник мохнатый наполнен
предчувствием летних ветров.

Восторженно веришь, мечтая,
что жизнь бесконечно светла,
полна, словно чаша Грааля,
надежды, любви и тепла.

2

Мой край, голубая обитель –
до самых отрогов снега.
Я – твой очарованный житель
и сослан к тебе навсегда.

К таежной стране буреломов
я сердцем навек прикипел
на лентах проселков знакомых,
где был безрассуден и смел.

Здесь вдруг я почувствовал:
эта
суровая, дикая твердь
зимой мне дороже, чем летом,
и может, как летом, согреть.

Пусть ветры студеные крутят
снега и колотятся в дверь –
ведь ты – азиатка, по сути,
но краше Европы, поверь.

5.01.05 г.

ДРУЖЕСКИЕ ПАРОДИИ

***

*Душа чего-то оживает...
...Тепла совсем иного рода,
Когда сливаются тела
И обновляется природа...*

Владимир Парфенчик

Когда сливаются тела
и обновляется природа,
забросив скучные дела,
я отправляюсь к огороду.

Не для того, чтобы полоть
и не для сбора урожая,
особам в юбках угрожая,
иду лелеять в сене плоть.

Она в штанах весь день зудит,
и Дарья, вроде бы, согласна.
Я, все же – не гемофродит,
мне это – абсолютно ясно.

Хочу любовного огня,
со страстью выстраданной что бы.

Всего дороже для меня
высокий бюст моей зазнобы,

и стать ее, и даже вес,
ведь вес – других достоинств краше.

Под килограммы как-то влез –
едва и сам не стал мамашей...

В полях кричат перепела –
что это с ними в эту пору?
Иду решать свои дела
в копне у нашего забора.

8.12.04 г.

***

*...Дыханье сладко стиснула тоска
Чудесная: зовут ее любовью.*

Татьяна Тенева

Кому любовь – отрада, мне – тоска,
зубная боль, измучившая скулы.
Я в доброе не верю, я – акула,
готовая в засаде для броска.

Пускай мужик, не ведая, идет
куда-то в магазин, а, может, в баню,
глупец не знает: Таня подождет,
и, завершив бросок, смертельно ранит.

Об убиенном память сохраняя,
я съем мужскую плоть без сожаленья.
И вновь тоска нахлынет на меня
приятная, как чудное мгновенье.

8.12.04 г.

***

...Заблудился я в трудных небрах
без своей путеводной птицы...

Сергей Мартовский

Побыл бы с нами хоть немного,
не торопился в путь из дома,
куда опять погнал, Серега,
небесной странницей ведомый?

В ответ молчок: пропели двери,
петлями ржавыми провыли,
да на порог упали перья
побитых наглою молью крыльев.

Летает бес по бездорожью,
парит, как коршун над странною,
судьбе Серегу не стреножить,
тем более – с очередной.

8.12.04 г.

***

*Март в обертке целлофановой.
Березняк грачей заманивай
Гнездами вразвес!..*

Владимир Волковец

На прилавке меж бананами,
водкой, тушками сельдей –
март в обертке целлофановой,
и наклейка – пять рублей.

Дорогая вещь, почешешься,
прежде, чем приобрести.
И, вообще, какого лешего
надо мне, Господь прости!

За вином бежал распарившись:
друг заждался, пьяный гад.
Ну, а с мартом так намаешься,
будешь празднику не рад.

Странно это все, товарищи,
для суровых наших мест:
нынче мартом затоварились,
завтра – гнездами вразвес!

8.12.04 г.

***

*Лейтенантик в фуражке с околышком
Голубым,*

как с картинки сошел.

*И девочка с ним рядом – как солнышко
Рассиялась – так ей хорошо!..*

Александр Кердан

С лейтенантами дочь хороводилась,
ухитрялась на ночь пропадать.
Рассиялась, ты вишь, разохотилась,
правда, толку пока не видать.

Полиняла, потерлась болезная –
жалко девицу, больно за мать.
Только, я вам скажу: бесполезно ей
с лейтенантами счастье искать.

Их по свету швыряет приказами:
нынче – здесь, а на утро – вокзал.
Помолчи, гонор свой не показывай,
летенантик-то – не генерал!

8.12.04 г.

***

*Кто мы есть? Решайте сами.
А, по-моему – рабы...*

Вячеслав Смоленский

Мы решили с другом Васей
(по сто грамм на грудь приняв)
с обоюдного согласия:
он – хозяин для меня.

Я свою стреножу гордость,
а хозяин – защитит:
мой сосед, свинячья морда,
мне подгадить норовит.

Пусть попробует, скотина,
издеваться надо мной.
Да, я – раб!
А друг – детина
с кулаками за спиной.

8.12.04 г.

***

*...Приходи ко мне дождь целоваться.
Ты хмельной? Приходи все равно.*

Людмила Ветрова

Наступила блудница-весна,
неожиданно, надо признаться.
Я сегодня во всех влюблена,
приходи ко мне дождь целоваться.

Но на улице ведро стоит,
не приходит любимый, хоть тресни,
только пьяный сосед-паразит
распевает похабные песни.

Пристает, не стесняясь, мужлан,
а женат, лет пятнадцать как с нею,
как-то раз возле бани прижал –
до сих пор, вспоминая, краснею.

Да такие слова говорил –
аж, мурашки скакали по коже.
Только дождь, что меня окропил,
мне случайного секса дороже.

Не спеша приготовлю кровать,
наточу затупившийся ножик,
не придет – все равно буду ждать
у других разрезвившийся дождик.

Неужели и дряхлой старухой
буду милого ждать, как теперь?
...От дверей потянуло сивухой:
заходи уж, проклятый кобель!

9.12.04 г.

***

*Грешим в тиши,
чтоб каяться прилюдно...
...Однажды вспыхнув
тлеем беспробудно.*

Виктор Тепляков

Пьем в одиночку, каемся – прилюдно:
такая сирым нам досталась доля.
Родных и близких пьянством обездолив,
живем в грехе мучительно и трудно.

И, как тут не грешить, когда ценитель
не понимает смысла наших песен,
ему легко в тепле уютных кресел,
с винцом сухим и люстрою в зените.

А, каково вкусившим прелесть слога,
коварство Музы, поисков бесплодных:
пусть вирши наши не из благородных,
не хуже прочих сложено, ей Богу.

Пусть критики витийствуют занудно,
для них все это, в общем-то, обычно.
Однажды вспыхнув вредною привычкой,
гуляем широко и беспробудно.

9.12.04 г.

***

*Своей струей холодной,
От страсти задрожав,
Коснулся туфель модных,
К ее ногам упав.*

Татьяна Кондратьева

Иртыш, конечно, фуфель –
не тайно, на виду
моих коснулся туфель.
Вот-вот я упаду!

Я женщина стальная,
но все же – есть струна!
Пусть бьет в каблук шальная,
иртышская волна.

От страсти задрожала,
в глазах сгустился мрак –
я, все-таки, рожала
законных, а не так!

10.12.04 г.

***

*Вошь, паразитка, ест!
Язвы на дряблой коже.
Деду с печи не слезть.
Где же ты, помощь Божья.*

Любовь Цонева

Где же ты, черт возьми,
хоть покажись для вида?
Деда грызут вельми
наглые вши и гниды.

«Внучка, подай воды!
Баню истопишь, доня?»
Разве пойдешь куды
с этакой смрадной вонью.

Язвы на дряблой коже,
жилка стучит в висок –
помощь нужна не Божья,
нужен под зад пинок.

10.12.04 г.

***

*Летела бабочка белехонька бела,
В росу неслышно крылышки макала.*

Марина Русская

Разок неслышно палец обмакнув
в сироп, который матушка варила,
я над землей тот час же воспарила,
немедленно, как водится, вздремнув.

Мне снился сон, что бабочкою я –
не бабою, а бабочкою все же! –
немножко на других таких похожих,
летела к дубу слушать соловья.

Певец моей любви, ах, как он пел,
к прекрасному и вечному причастный!
...Покуда всех подруг моих не съел
и не добрался до меня, несчастной.

10.12.04 г.

***

Здесь все, как президе – век от века,
Солдатским строем: «ать» и «два»,
Свой интеллект в себе давя,
Дома углами рубят ветер.

Ирина Рябий

И «ать», и «два» - не просто шаг
домов, проспектов и строений,
а окрыленная душа
бессмертных, в принципе, творений.

Стоят, не ведая – зачем,
углами грубо рубят ветер,
и это свойство голых стен –
весьма привычное, заметьте.

Посланцы гордые стихий
не спят, с фантомами сражаясь,
а я рублю свои стихи,
их угловатость обнажая.

11.12.04 г.

***

Лишь запомнил, как ты вчера,
Утомленно сложив свои крылья,
Прошептала: «Ложись, спать пора...
Этот день мы с тобой покорили».

Александр Корякин

Покорить мы с тобою смогли
без печали прожитые годы.
Жаль, что было, исчезло вдали
по суровым законам природы.

Не устану тебе повторять,
что без ласки прожить – невозможно!
А в ответ: «Отвали, дай поспать,
без тебя, понимаешь ли, тошно».

Утомленные крылья сложив,
ты меня игнорируешь, что ли?
...Неудачная личная жизнь
надоела, как каша без соли.

11.12.04 г.

***

*Порой кончаются слова
и в голове туман.
Бросаю все.
Колю дрова
или крушу бурьян.*

Александр Губанов

Крушу бурьян, что было сил,
достал меня бурьян!
У Музы как-то я спросил
(был, правда, в стельку пьян):

«Ты почему, когда сонет
строчил, пером скрипя,
ушла без слов?»
А та в ответ
промолвила, кряхтя:

«Здоров ты, Саша, что сказать,
и варит голова,
но, прежде чем стихи писать,
переколи дрова!»

11.12.04 г.

***

*Тихо тикают ходики в загсах,
как в «Крестах» по галеркам шаги...*

Петр Суханов

Рифмы птицами в небе летают –
значит, время дерзать и творить!
А меня, как всегда, хомутают,
неприменно хотят оженить.

Я, конечно, ребята, не Пушкин,
но не хуже, поверьте, других.
За дверями моей комнатухи
слышно будущей тещи шаги.

Ишь, крадется, и дочка за нею,
словно кошки за мышкой, ей-ей.
Дочка тещина – не Дульсинея,
не открою, хоть тресни, дверей!

Отступились?
Звонят на мобильник,
дескать, надо идти, дорогой.
Надрывается в загсе будильник...
Фиг вам!
Больше туда – ни ногой!

11.12.04 г.

***

*Сверкая кончиками крыльев,
сорока с поля поднялась
и радугой перелилась
над снежной плесенью и пылью.
Икар скользнул среди полей,
моей щеки крылом коснулся,
и, обернувшись, усмехнулся
над приземленностью моей.*

Александр Рудт

Над снежной плесенью с утра
(я думал снег не плесневеет),
сверкая кончиком пера,
я воспаряю в эмпиреях.

И там, среди ангелов, и птиц,
и всякой прочей Божьей тварью
по белой плесени страниц
стихи возвышенные шпарю.

Не вдруг постиг меня удар
на этом поприще высоком:
столкнувшись с глупою сорокой,
промчался в штопоре Икар.

Над приземленностью чудак
и надо мною насмехался.
Ну, что, Дедала сын, сорвался
и в плесень шлепнулся?
Вот так!

13.12.04 г.

***

*Зеленый пруд, ветла целует воды,
У лукоморья дуб стоит.
И дом открыт. Полным-полно народа.
Кушетка. Отдыхающий пиит.*

*Цветы у ног кладут ему потомки,
За все его благодарят.
Крестьянский хор.
В руках людей котомки,
Как полтора ста лет назад.*

Раиса Перевалова.

Поклонники, шурша, у ног снуют,
в руках людей – котомки и фиалки.
До слез, порою, пилигримов жалко,
но я лежу – потомки подождут.

Нечищенный, затянут ряской пруд,
и дуб у лукоморья одинокий:
во всем преобладает смысл глубокий,
пишу о нем – потомки подождут.

В углу, под потолком комар зудит,
напился, гад, и что ему нейметсся?
Кушетка. Отдыхающий пиит.
И надпись на кушетке: «Не сдается!»

14.12.04 г.

**ПРОЩАЙТЕ,
МАЛЬЧИКИ**

ПРО ЕМЕЛЮ, КАЩЕЯ И ЗМЕЯ

(Короткая поэма – шутка)

Где-то там, у Лукоморья,
одинок с ветром споря,
старый дуб произрастал.
В сундуке на верхней ветке
был привязан цепью крепкой
криминальный капитал.

Кот-баюн, слуга Кащея,
от безделья сатанея,
спал под дубом день и ночь.
Сторожил беспечно бабки,
да, пугая диким храпом,
отгонял прохожих прочь.

Сказки он давно забросил,
часто лешего поносил,
что к русалке клинья бил,
а хромую бабку в ступе,
что жила одна в халупе,
даже палкой отходил.

Дескать: к дубу и не суйся!
Быстро, старая, пакуйся,
да не липни, как смола,
враз землицею привалим!
Если б знала, кем приставлен,
долго б, дура, не жила!

Из соседнего селенья
некий юноша, Емеля,
бросив мед однажды пить,
стал на печке думать думу,
как украсть такую сумму
и по-быстрому свалить.

За бугор – куда подале!
В общем, долго не базаря,
у кота, что крепко спал,
ключ тихонечко в перчатках
спёр на время, отпечатки
снял, и в кузню быстро сдал.

А, не знал, что у Кащея,
что дружил с трехглавым Змеем,
был на дубе телеглаз.
Не дремал зрачок овальный,
сторожил сундук хрустальный,
всех, кто рядом ползал, пас.

Ну, да нашему Емеле
эти тонкости – до фени,
(ведь кругом дремучий лес).
Напоил кота с русалкой –
правда, меда было жалко –
и на дерево полез.

Змей проснулся утром рано,
слышит, кроет матом бранным
с хрипом сдавленным Кащей,
и каким-то взглядом странным
смотрит в глубь телеэкрана,
словно чокнутый, ей-ей!

Змей взглянул: макушка дуба,
а на ней сидит голуба,
машет сдвоенным хвостом,
цепь запястья обвивает,
девка тихо подвывает
со слезою рыбьим ртом.

Взвился в небо, как ракета
Змей Горыныч, к краю света
полетел ворьё стеречь.
Видит, как на сером мчится
наш герой к родной границе,
видно, хочет пересечь.

Эх, уйдет!
Но у оврага
с волка сбросил бедолагу,
хорошенько напинав,
а потом все деньги сложив,
сам рванул, куда дороже,
с капиталом дружбана.

Кот уволен был немедля,
в дальний скит ушел Емеля,
бабка въехала в избу,
лишь, Кашей ночами воеет,
чахнет бедный с перепоя
вместе с девкой на дубу.

27.12.04 г.

ПРОЩАЙТЕ, МАЛЬЧИКИ

(Поэма – воспоминание)

***

Тетрадь в переплете потертом лежит,
с далеких времен института,
и стрелка секундная быстро бежит,
сметая, как мусор, минуты.

Почти полчаса не решаюсь начать
листать под обложкой страницы,
открыть –
и увидеть, как звонко кричат
парящие, белые птицы.

Мой стол, словно судно, внезапно качнет,
на пенистый гребень бросает,
глухой и безлюдной порою ночной,
когда мне никто не мешает.

Охотское море подступит к окну –
седое,
в барашках и льдинах –
и я, как мальчишка, бесстрашно взгляну
в прожитое, словно в пучину.

Ну, что из того, что когда-то писал
о волнах кипящих прибоя
в разломах подножия северных скал,
где небо висит голубое,

о кедрах, пригнутых ветрами к земле,
о нерпе, играющей в бухте.

Покажется вдруг, что тетрадь на столе
все толще становится, пухнет.

Года позади и года впереди:
кто знает, а сколько осталось?
Вот, только, внезапно защежит в груди
какая-то грусть и усталость.

Как были мы категоричны,
когда,
с надеждами юношей споря,
крестила нас в жгучей купели вода
далекого, славного моря.

Я помню: безбрежных просторов размах,
их песни.
Ты только послушай,
как леска звенела струною в руках,
когда обрывалась горбуша.

И звуки наката,
и шелест листвы,
и скрежущий гул камнепада –
все слышу отчетливо.
Только, увы,
уже не увижу.
А, надо:

то озеро в сумерках, и лебедей,
чей клин над водою поднялся,
и много хороших и смелых людей,
с которыми жил и общался.

Друзья, разбросали по весям наш круг –
работа,
судьба
и стихии,
как тех лебедей, улетающих на юг,
к чужим берегам от России

Ах, девочка Вера, шальные глаза!
Мне ночью по-прежнему снится
повисшая каплей хрустальной слеза
на длинных, пушистых ресницах,

и наше прощанье вечерней порой,
и твой сарафан темно-синий,
слова обещаний,
и голос глухой,
который звучит и поныне.

Мы верили в светлое.
Наши мечты
о будущем и сокровенном
так были красивы,
воздушны,
чисты,
как рифами взбитая пена.

Любовь – это чувство присущее тем,
кто молод и верен надежде,
а тем, кто добрался к последней черте,
нужней и дороже, чем прежде.

Одни улетели на Запад,
других
Сибири леса приручили.
И вряд ли, когда повстречаемся.
Стих
тот пафос, которым мы жили,

та страсть к путешествиям и куражу,
которой мгновенно вскипали,
которой и ныне, как я вам скажу,
нам здорово всем не хватает.

Пускай, никогда не вернуться назад,
и спину усталость согнула,
но память, как стрелка, пройдя циферблат,
на старое место вернула.

...Настольная лампа стоит на столе,
круг света – почти идеален,
и, будто маяк на угрюмой скале,
из прошлого мерно сигналил.

***

- Давай, за встречу!
- Будем, дорогой!
Под рыбку грамм по двести – не мешает.
- Ну, как ты тут живешь?
Уже – с другой!
Припоминаю твой характер шалый.
- А, помнишь, ту, последнюю весну
и выпускной?
Девчонок на бульваре?
- Конечно, помню, ты тогда блеснул,
и что-то там изложил на гитаре.
- Олег, уже, почти, что – генерал,
к нему и не допустят без доклада!
- В десятом я ему наподдавал,
когда он сунул нос, куда не надо.
- А, Зоя, та, блондинка?
- Детский врач.
В халате белом, словно балерина!
- Да, время!
Хоть, судачь, хоть – не судачь,
а, все-таки летит неудержимо.
- Насчет работы – помогу.
- Потом!
Пойдем-ка, перекурим лучше в сенки...
...Так мы тогда сидели за столом
с приехавшим ко мне на стройку Генкой.

Мы с ним за партой вместе – восемь лет,
да в институте – пять: большие сроки,
и не один пленительный рассвет
встречали на Амуре, у осоки.

Уха с дымком,
и песни у костра,
а позже – Сахалин и Николаев.
Как жизнь непозволительно быстра:
чем дальше, тем все чаще вспоминаю
совместную работу.

Он ушел
из жизни, как сгоревшая комета.
Да, рак – не насморк!
Было – хорошо,
и горько стало.

Ясные рассветы
остались за невидимой чертой,
которая навеки оттолкнула
от жизни жизнь.
Холодной пустотой
тогда мне первый раз в лицо пахнуло.

Как так?
Вот – жил, и нет его уже,
как будто эхо дальнее погасло.
Как пел он на притопленной барже
девчатам из Аяна.
Так прекрасно!

Все слушали его, разинув рот,
звучали Визбор, Галич и Высоцкий,
и каждый, ловко сыгранный, аккорд
вибрировал особенно, по-флотски.

Отпел и отлюбил.
Сгорел свечой –
не дотянувший до конца маршрута.
А, ведь, не раз мне подставлял плечо
в тяжелые, не лучшие минуты.

Судьба – злодейка:
против – не попрёшь!
Но, кажется, вот-вот, еще мгновенье –
дверь распахнется вдруг, и ты войдешь,
и новое прочтешь стихотворенье.

...Но дверь молчит, а сумрак все темней.
расплывчатых простых предметов грани.
Качает отражение теней
на выцветшей стене, как на экране.

Прощай!
А у меня еще дела
какие-то –
шевелимся немножко.
На улице стоит белым-бела
продрогшая рябина под окошком...

***

Здорово, друг!
Ты, что, Валера, пьян?
Стоишь – и улыбаешься кому-то?
А, помнишь дивный запах тех полян,
над берегом Супры взлетевших круто?

Любимая пора:
Осенний лёт
серебряной, беззвучной паутины,
и прогремевший в небе вертолет,
и гроздя, покрасневшие, рябины.

А, белые грибы – на белых мхах,
и косачи шальные на болотах?
Немало километров отмахал
ты,
да и я, мотаясь по субботам.

Здесь нам знаком почти, что каждый куст
и омуток любой давно разведан.
И, даже, если был подсадок пуст
мы не грустили.
Прошлые победы
нам грели душу.

Полновесных щук
мы бреднем неподъёмным доставали
не раз на Арантуре.

Кисти рук
болели, но усталости не знали.

Ты, по натуре – ярый оптимист,
хотя тебе порой жилось не сладко.
Но, к дьяволу хандру!
Веселый свист
всегда будил нас утром у палатки.

Приятно вспомнить:
старую избу,
и от портянок мокрых запах пота,
рассказы про девчонок – не ко сну! –
соленые и злые анекдоты.

И первый снег, накрывший все кругом,
когда мы утром вышли на крылечко,
и едкий дым под низким потолком
из старой и растрескавшейся печки.

Как хорошо дышалось и жилось:
нас радовал любой здоровый запах.
А, помнишь:
у болота старый лось
нас испугал, шарахнувшись внезапно.

Мы хохотали, подавив испуг,
свалив конфуз нелепый на усталость.
И замолчали все,
когда ты вдруг
сказал: «А, сколько, братцы, нам осталось?»

Вопрос тогда совсем не к месту был,
он, видимо, сидел в тебе подспудно,
но как-то сразу поубавил пыл.
Понять, конечно, почему – не трудно.

По сорок, ну, чуть больше – не беда,
а впереди веселая дорога,
в, конце-концов, ведущая туда,
к родному и знакомому порогу.

Туда, где дети малые шалят,
и телевизор призрачно мерцает,
где о делах домашних говорят –
чего нам всем, обычно, не хватает.

А ты ушел внезапно.
Осень та
была опять такой же хлебосольной,
но подступила к сердцу маята,
гнетущая тупой, щемящей болью.

...Качают ветви первую звезду,
а ветер гнет рябину, как подружку.
Я поднимаюсь молча и иду
налить себе воды в пустую кружку.

Дом тих.
Все спят.
И в этой тишине,
издалека, как будто наяву я,

вдруг слышу голос твой, сказавший мне:
«Не унывай, ещё мы повоюем!»

Я возвращаюсь.
Трогаю тетрадь,
истерзанных страниц не открывая.
Мне надо бы давно начать писать,
а я сижу и жду, чего – не знаю...

***

Ты помнишь, Вася наш с тобой банкет
и юных командирш из студотрядов?
Уже забыл дружище?
Ну, привет,
я думал у тебя в мозгах порядок.

В поступках и делах твоих всегда
скупая рассудительность витала,
тебя не занимала ерунда,
которая прибытку не давала.

Но ты был добр:
где можно и нельзя
особенно в местах, где наливали.
И мы, твои старинные друзья,
всегда об этом помнили и знали.

Ты вверх взлетал,
и резко падал вниз,
в тупое равнодушие запоя,
но исполнял жены любой каприз,

и дочь поднял,
и дом почти построил.

И нас, друзей своих, не забывал:
без помощи твоей не оставались.
Как говорится, жил и поживал,
пока канаты жил не оборвались.

Да, ты, конечно, тоже – из кутил,
да из таких, что – лежа на кровати!
И вот тебя в машину посадил
в последний путь сосед твой и приятель.

Неброский обелиск.
Могильный холм.
И – ни родни, ни, даже, сослуживцев.
Ушел, дружище, литерный вагон,
унес в пространство образы и лица.

...Да, что такое?
Чешется спина
невмоготу.
А снег западал снова.
Звенит, переливаясь, тишина,
сквозит слегка от косяка дверного.

Ушли ребята.
Весело ушли.
Но – как-то беспокойно и тревожно,
как будто бы растаяли вдали
обрывки светлой памяти.
Возможно.

Уныло и подавленно молчу,
в окно гляжу,
и вновь берусь за ручку.
И, как на санках, вдруг, с отвесной кручи
срываюсь,
и лечу,
лечу,
лечу...

***

...Все та же пожелтевшая тетрадь,
и стол – такой уютный и знакомый.
Как хорошо, вот, так вот, помечтать
в тепле тобой построенного дома.

Пусть голова седа,
и тридцать лет
прошло с тех пор, когда считался рыжим,
но, слава Богу,
сыт,
обут,
одет,
и даже, кое-кто неровно дышит.

Смеюсь, конечно.
Женщины мои
теперь – жена и дочь, которой двадцать.
А, прочие?
Отпели соловьи,

и, где уже беззубому кусаться!

Сын – по стопам пошел, и улетел
в далекий Ленинград, который ныне
Санкт-Петербург.
Когда-то там гремел
и я в пустом тщеславье и гордыне.

Ну, как же:
и поэт,
и гитарист,
к тому же юбки мимо не пропустит!
Опал с ветвей, как пожелтевший лист,
и, вот, сию, раздумывая, в грусти.

А, что я сделал?
Вырастил детей,
мосты возвел,
построил юный город,
почти всего достиг, чего хотел,
в те времена, когда еще был молод,
безделье не любил,
любил кутить,
девиц любил и черненьких, и рыжих.

Короче, жил, как требовалось жить,
стремясь подняться вверх, как можно выше.

И падал!
Да, не так, а мордой – в грязь!
Сам виноват, когда тебя заносит.
Ну, а в конце пути кураж угас,
знать, и ко мне пришла подруга-осень.

Потухло пламя, подошел финал,
хотя и переделано немало.
Жалею, что о прошлом вспоминал
я, лишь, когда свергали с пьедестала.

За эти многотрудные года
не только поражения случались,
но мыслями, по-прежнему, туда,
как будто к покаянью, возвращаюсь.

Мне часто снятся сказочные сны,
пришедшие, как Божий дар, оттуда.
Я с вами не прощаюсь, пацаны!
До встречи!
Не скучайте!
Скоро буду...

22.12.04 г.

О ТРОЕ И ГЕРОЯХ

(почти по Гомеру)

В городе древнем Трое
бабы от горя воют.
Город давно без пищи,
люди, как мухи, мрут.
А под стенами слышно:
армия сонно дышит –
жалких посланцев Трои
с вестью о сдаче ждут.

Долго осада длится,
даже земля дымится –
павших тела и части
черной смолой полив.
Но не сдается Троя:
платит великой кровью,
стонет, взывает к Зевсу,
голову не склонив.

Зреет дурная сила
в бицепсах у Ахилла,
у Одиссея – думы:
как бы врагов надуть?
Думал, бродяга, думал,
трижды под ноги плюнул,
меч на бедре поправив,
выложил бодро суть:

«Нужно состряпать лошадь
из обрезного теса,
чтобы была побольше,
покрасивее, чтоб.
Спрячемся внутрь толпою,
двери попоной скроем,
а все войска и челядь
выведем в дальний лог.

Нет, как известно, тяму
у старика Приама:
клюнет на лошадь,
знаю –
ум развращает власть.
Ночью напьется стража,
(ночи черны, как сажа),
выйдем молчком из чрева
и погуляем всласть!

Кроме того, Елену
нужно вернуть из плена.
Не суетись, Ахилка –
бабу, смотри, не тронь!
Прочих?
Да, хоть, на мыло,
чтоб неповадно было!
Все остальное скроет,
как и всегда, огонь».

Надо – так, значит, надо!
Ключника-казнокрада

вызвали, денег взяли,
наняли работяг.
Быстро собрали лошадь,
(тес был совсем негожий,
ладно – не на продажу),
и опустили стяг.

Войско – за лес, к оврагу,
и, подкрепив отвагу
амфорой бездонной,
влезли в живот гурьбой.
Жаль, маловата лошадь –
толком не разогнешься,
впрочем, сидеть – не бегать,
терпит часок-другой.

Ночью подкрался кто-то
и затащил в ворота
чучело дряхлой клячи,
(не развалилась чуть!).
На середину плаца
выставили, как цацу:
радуйтесь, братья-греки,
к черту тоску и грусть!

Пили вино, гуляли,
к полночи все увяли.
Только затихла пьянка,
скрипнула глухо дверь:
из-под попоны дружно
выскочили наружу

воины в блеске стали
злые,
и Одиссей.
Вот так и пала Троя,
древних, воспев героев!
Ну, а на самом деле,
суть тут одна – не пей!
Не доверяй подаркам
вражеским,
перестарка
не содержи на троне,
и отличить умей:
лесть – от суровой правды,
доблести – от бравады,
глупость – от речи красной,
сказанной невпопад.

И защитить сумеешь
то, что всегда имеешь:
тощий кошель, семейство,
совесть и стольный град...

...В наше лихое время
разных концепций бремя
давит людей нетвердых –
даже в глазах троит:
призраком славы грезя,
всякий в герои лезет,
не понимая сути,
дикую чушь творит.

Кто похитрей, проныры,
лезут клопами в дыры,
одновременно славя
тех, кто на мысли туг.
И под сурдинку, споро,
тянут и тянут в норы
все, что стянуть умеют,
не покладая рук.

Припоминайте Троию,
если вас лаком кроют,
(вы же – не пол в парадной,
чтобы вот так блистать!).
И дорогих подарков,
как и объятий жарких,
не принимайте всуе,
чтобы спокойно спать.

29.12.04 г.

РИТА

ТУРИСТ

Стоял конец июня, теплого и грозового. На тополях начали созревать и лопаться почки, и тополиный пух гоняло ветром по асфальту, сбивая в плотные шары и колбасы у бордюров тротуаров и в углах дворов. Я закончил одиннадцатый класс, позади остались надоевшие до чертиков занятия, зачеты, экзамены и проевшая печенку классная. Как я понял позже – рыжая и красивая, до безумия любившая своих болванов, в которых вкладывала душу, женщина. Ребята разъехались кто куда: до вступительных экзаменов – почти месяц. А, мы с Витькой, чтобы совсем не отупеть от безделья, нанялись грузчиками на какую-то базу.

- Десять рублей в день можно закалымить! – убеждал меня Витька, - А, то и больше. И ездить недалеко.

Ребята мы были крепкие, за плечами года по три спортивных секций, и в отделе кадров этой самой базы, не долго сомневаясь, оформили нас на работу. Первый день мы разгружали и складывали доски, которые подвозили грузовики, и всего за день так наломались, что на следующее утро трудового энтузиазма у нас явно поубавилось. Мышцы с непривычки ломило, шея не поворачивалась, и, вообще, не хотелось шевелиться. Но мы мужественно отправились на работу, резонно рассудив, что матери нас не поймут: только устроились и сразу в кусты. Следующий рабочий день выдался как раз спокойным, и, кроме того, что мы подмели двор, да сложили в кучу какие-то железяки, делать было нечего. Через неделю нам закрыли наряды, в которых значи-

лось, что мы трудами и потом заработали аж по тридцать два рублика.

- Слышь, Вить, не получается по десятке, - пересчитав деньги, констатировал я,

Витька угрюмо смолчал, переваривая печальный итог шестидневной работы, и больше мы на этой базу не появлялись...

В июле я успешно сдал вступительные экзамены в институт, и, решив, что мне нечего болтаться без дела в опустившем городе, мама купила мне двухнедельную путевку на туристическую базу, где-то под Комсомольском-на-Амуре. Я не особенно упирался, тем более, что Витька уехал к бабке в деревню, и подпирать от безделья и скуки ворота нашего двора в одиночку, мне совершенно не светило. Через пару дней я уже слушал перестук вагонных колес поезда Хабаровск-Комсомольск, и пил чай с попутчиками, веселой и шумной компанией молодых ребят строителей, возвращавшихся с какой-то молодежной конференции, где их отметили наградами. Ночь пролетела почти без сна, а к утру я уже чувствовал определенную личную причастность к тем замечательным делам, которые вершили эти ребята в городе юности и комсомола. Утром, распрощавшись на перроне вокзала с моими новыми друзьями и узнав у них, как добраться до пристани, я забросил новый, только что купленный мамой рюкзак на плечо и потопал в указанную сторону. Комсомольск конца шестидесятых был не слишком большим городом, точнее: большим по площади и маленьким по числу населения. Пятна микрорайонов пятиэтажек были разбросаны сре-

ди громадных пустырей, заваленных кучами бытового мусора и строительных отходов, между которыми извивались протоптанные в зарослях полыни и чертополоха тропинки - транспортные пути аборигенов. Через полчаса я был уже на пристани, если так можно назвать причаленный, и привязанный стальными канатами к мертвякам на берегу плашкоут. Выяснив, что следующий трамвайчик будет только через час, я отправился к ближайшим строениям, и, отыскав там, в деревянном бараке столовую, с удовольствием позавтракал, так как кроме стакана чая, выпитого еще в вагоне, у меня во рту не было и маковой росинки. Полеживая на берегу, поросшем густой и сочной травой, я, надвинув кепку на глаза, чтобы не слепило солнце, разглядывая раскинувшийся передо мной пейзаж и двух девушек, примерно моего возраста, болтающих о чем-то оживленно на скамеечке возле плашкоута, и, то и дело, стреляющих глазками в мою сторону, и весело чему-то смеющихся. Наконец подошел транспорт, речной трамвайчик с игривым названием «Ляля», мы погрузились на борт и отчалили. Берега, проплывавшие по обе стороны реки, поражали своей привычной для этих мест и необычной для тех, кто видел их в первый раз, красотой, резко отличающейся от хабаровского левобережья: песчаных дюн, поросших ивняком и изрезанных протоками, где мы с одноклассниками обычно отдыхали, когда собирались ближе к осени вместе. Сопки, поросшие густым, почти черным ельником со светло-зелеными пятнами амурского кедрача, стояли плотно, нависая над рекой обрушившимися в воду скальными срезами и камнеломами. Река

на этих прижимах, доселе спокойная и гладкая, неожиданно вскипала, начиная вращаться бурунами и водоворотами и выбрасывая на каменистые берега клочья белой пены. В таких местах обычно хорошо ловятся налимы килограмма по три и более. На утесе, в Хабаровске из таких же точно водоворотов мужики вытаскивали рыбин весом и по десять кило. Иногда между сопок открывались пологие увалы, покрытые цветущими травами, запах которых доносился и сюда на палубу. По ложбинам в Амур впадали хрустальными лентами ручейки и речушки с деревеньками на их берегах, и огромными подсолнухами над заборами.

- Молодой человек, - обратилась ко мне одна из девушек, тех самых, на которых я глазел на берегу, в широко открытых, карих очах ее прыгали веселые чертеньята, - вы не знаете, сколько еще ехать до турбазы?

- Нет. А вы, что, тоже туда?

- Что значит – тоже? У нас путевки.

- Так и у меня путевка! Давайте познакомимся. Я – Михаил, а вы?

- Наташа. А это – Катя, - представила она свою спутницу, девушку лет семнадцати, застенчивую и розовощекую.

Надо сказать, что Катя произвела на меня впечатление еще там, на берегу. Хрупкая блондинка с почти черными бровями и голубыми глазами, заполненными огромными, бездонными зрачками, на первый взгляд слабая и изнеженная, на поверку оказалась мастером спорта по плаванию. Как, впрочем, и ее подруга. Неожиданно, даже для себя, я прихвастнул перед девчата-

ми, и свой первый разряд по легкой атлетике мгновенно произвел в кандидаты. Подумал, видимо, дурак, что так солидной будет, но ушам стало жарко. Хотя, чего греха таить, умение побрякать мускулами грело юношеское самолюбие. Слава Богу, девчонки ничего не заметили, и, как я понял, все эти звания, и спортивные достижения их не особенно интересовали.

- А ты, Миша, откуда? – решительно перетащив подругу на мою скамеечку, начала допрашивать меня Наташа.

- Из Хабаровска.

- А мы – из Уссурийска.

- Это, который раньше Ворошиловым был? Так я там первый класс заканчивал.

- Вот, здорово, земляки – значит!

- Поковыряться – еще и родня!

- Посмотрите, ребята, как красиво, - махнула рукой в сторону берега Катя, - Я сто лет такой красоты не видела.

На пологом, песчаном берегу плескались с криком и хохотом голопузые ребятишки, а выше, в поросшей березняком ложбине, стояли аккуратные белые домики с такими же белыми заборами, за которыми красовались уже покрасневшие яблони-дички.

- Немцы! – почему-то неодобрительно сказал проходивший мимо шкипер.

Батя мой - тоже прошел войну, был ранен, но ненависти к немецкой нации не испытывал, да и мне не привил. Я до сих пор с опаской отношусь к таким людям, а в те времена был куда категоричней. Видимо, недоуме-

ние по поводу сказанного выразившееся на моем лице было заметно со стороны.

- Дурак! – резюмировала Наташка.

- Как красиво! – опять сказала Катя и, смахнув рукой с лица золотистую прядь волос, села на скамейку.

А Наташка продолжила меня допрашивать:

- Скажи, Миша, а кто ты?

- Человек.

- Я понимаю, что человек, но все-таки, кто ты, где работаешь?

- Студент, - не без гордости заявил я, и дня не пробывший в своем новом качестве.

- Вот, здорово! Мы – тоже студенты. А, ты, в каком?

- В строительном.

- А я – в университете, на журналистике. А Катя – в медицинском.

- Во Владивостоке?

- Да.

Она улыбнулась, и я с удовольствием отметил, какие белые зубы у этой приставшей ко мне девчонки. В тот момент меня больше интересовала и притягивала к себе Катя, не обращавшая на меня абсолютно никакого внимания. Пароходик гудел встречным посудинам и, покачиваясь на невысокой амурской волне, плыл дальше. Я, исподтишка, поглядывал на Катю, но та никак не реагировала на оказываемые ей знаки внимания, и я, укаченный усталостью и трамвайчиком, незаметно заснул.

Проснулся я внезапно: Наташка трясла меня за плечи и хлопала по щекам.

- Миша, приехали! Смотри! – на берегу, в распадке и по его склонам были рассыпаны цветные, игрушечные домики, а, прямо у воды, на двух столбах красовался фанерный транспорант, гласивший, что мы прибыли на турбазу «Факел». Трамвайчик причалил к пологому, галечному откосу, я подхватил рюкзак и сумку девченок, и мы сошли на этот незнакомый берег по дощатому трапу, сброшенному шкипером.

На построении, следующим утром, девица, как я понял, главная по распорядку, зычным голосом спросила у вновь прибывших, кто имеет спортивные разряды. Из строя вышло человек десять, я увидел в этом десятке Катю, и не раздумывая, сдуру, шагнул тоже. Нам отвели под жилье два отдельных коттеджа, стоящих поодаль от остальных, и начали гонять, проверяя, за кого мы себя выдаем. Утро начиналось зарядкой, после завтрака тренировались, как быстро поставить палатку, а вечером зычная девица, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении вполне привлекательной женщиной с милой улыбкой, рассказывала нам, как не заблудиться в тайге.

- Деточки, главное – не паниковать! А все остальное вы и так знаете, местные почти, не мне вас учить. И еще: если что-то заболит, или еще что – не молчите. Тайга – не город, неотложки не ходят.

В столовой, куда мы ходили кушать вместе со всей турбазой, на нас смотрели, как на героев, приближенных к богам: кормили на отдельных столах, добавляя к обычному рациону яйца и сметану. Нос сам, без особых усилий поднимался вверх, и мы ощущали свое высокое положение и недоступность даже кожей, которую жгли

любопытные взгляды остального контингента. Пару раз я пытался привлечь внимание Кати к своей значительной, по моим понятиям персоне, но безрезультатно. Видимо, ее больше интересовал высокий, красивый баскетболист Слава. Или мне это просто казалось. Но завтракали они всегда вместе за одним столом. Зато, Наташка, нахрапом, в последний момент затесавшаяся в отряд, когда мест уже не было, не давала мне прохода.

- Миша, хочешь компотика? – протягивала она свой стакан в столовой. – На, я не хочу.

- Я – тоже.

- Попей! Тебе сил надо набираться.

- Это еще зачем? – с подозрением поглядывая на девчонку, спрашивал я.

- Поход-то трехдневный, тяжело будет.

- Ничего, справимся, - пытался я улизнуть в ближайшую палатку, но тут же находилась какая-либо причина, по которой от меня требовалась срочная, прямо-таки экстренная, помощь.

- Помоги мне рюкзак до палатки донести. Тяжелый – ужас!

И я, проклиная себя за покладистость и мягкий хребет, тащил Наташкин рюкзак на склон сопки, где располагались девчата, чем вызывал у окружающих понимающие, иногда сочувствующие, но чаще язвительные улыбки. Делать нечего, раз такой слабохарактерный.

Спустя дня три, турбаза пришла в движение. К берегу пришвартовался вполне солидный пароход, на который погрузили палатки, продовольствие и прочую аму-

ницию. После прочувствованной речи, которую перед общим строем произнес директор, весь личный состав, кроме, естественно, нашего отряда, погрузился на судно и отбыл вверх по течению километров за пятьдесят, где должен был расположиться лагерь на берегу, неподалеку от деревушки со смешным названием Пятка. А сама деревушка расположилась возле озера, связанного с Амуром протокой. Мы же, спортивные герои, должны были попасть в этот же пункт назначения пешим порядком, сделав крюк километров в девяносто, за что нас обещали принять в настоящие туристы и присвоить какие-то разряды. «Вот, вляпался, дурак!» - промелькнуло в голове, но делать было нечего. Назвался груздем – полезай в кузов! Сборы были недолгими, и минут через сорок, нагрузившись тридцати килограммовыми рюкзаками, цепочка потенциальных героев двинулась на запад по заросшей полынью и можжевельником ложбине между сопок, простиравшейся так далеко, что конец ее терялся за горизонтом, подернутым дымкой. Солнце в эту пору стояло еще довольно высоко, и к двум часам пополудни температура поднялась градусов до двадцати пяти. Было заметно, что отряд приустал после пятичасового марш-броска. Одежда под рюкзаками промокла насквозь, ноги в кроссовках горели огнем, страшно хотелось пить. Особенно трудно пришлось с непривычки девочкам. Я уже часа полтора тащил Наташкин рюкзак, повесив его на грудь, как запасной парашют.

- Миша, тебе не очень тяжело? – то и дело, заглядывая мне в глаза, спрашивала Наташа, тяжело дыша и смахивая ладонью капли пота со лба.

- Ничего. – шея у меня затекла, но я ни за что не признался бы, что чертовски устал, ведь впереди шаггал, согнувшись под тяжестью рюкзака Кати, баскетболист Слава.

Еще через час монотонная ходьба привела к полнейшему отключению мозгов и чувств, и, даже, как-то, притупила усталость. Знай себе – шагай и не о чем не думай! Наконец, зычная девица, которой по виду было все нипочем, объявила привал:

- Слава и Миша занимаются костром, Николай с Володей – к ручью за водой, а девочки достают провиант – будем готовить похлебку из тушенки.

- Наталья Александровна, зачем такие сложности, тушенку можно и так съесть? – оторвался от фляги Слава.

- А, вот тут ты не прав, Слава! Супчику похлебаешь, меньше пить будешь, а меньше будешь пить – силы сохранишь. Так, что, не особенно на флягу налегай.

Мы со Славкой отправились к ближайшей рожице собирать сучья, и уже минут через двадцать веселый костерок постреливал искрами в голубое, выцветшее небо, а запах, из подвешенного над костром ведра, напомнил, что со времени завтрака прошло не меньше шести часов. Розовощекая, крепенькая гимнастка Вера разулась, и, сморщившись от боли, рассматривала ступни ног.

- А, ну, покажи-ка, что там у тебя? – решительно шагнула к ней Наталья Александровна.

- Пустяки, до свадьбы заживет!

- Миша, достань-ка йод и бинт из аптечки, - осмотрев Верины ноги, приказала Наталья. – Все Вера: твой

поход закончился!

- Да, что вы, пустяки все это, я тапочки потуже зашнурую и пойду.

- Деточка, нам шагать еще минимум суток двое, а у тебя уже сейчас мозоли лопнули. Короче, никаких возражений. Всем после обеда осмотреть обувь и убрать любые складки, если нужно – намотать портянки, как раньше крестьяне мотали. Всем ясно? Ну и хорошо!

После обеда, прошедшего в молчании: все, наконец, поняли, что находятся не на прогулке. Наталья Александровна поднялась, и, прицепив флягу с водой к поясу, сказала:

- Тут, километра два к северу, поселок геологов. Собирайся, Вера! Миша, а ты мне поможешь проводить девочку. Если не можешь – отдыхай!

- Конечно, помогу, Наталья Александровна, я вовсе не устал.

- А мне с вами можно? – Наташа умоляюще посмотрела мне в глаза и перевела взгляд на командиршу.

Та внимательно посмотрела на Наталью, и, ничего не ответив, кивнула головой.

- Всем отдыхать! За старшего – Слава! Мы вернемся часа через полтора. Поднимайся, Вера, давай я тебе помогу.

Минут через сорок, сорок пять, поддерживая расстроенную Веру под руки, мы добрались до поселка в два десятка щитовых домишек. Пока Наталья Александровна договаривалась с начальником партии о машине для Веры, мы с Натальей, напившись ледяной воды из колодца, отдохали на травке в тени одиноко стояще-

го кедра.

- Миша, а ты сильно устал?

- Нет, терпимо, еще денек и втянемся окончательно.

А, ты-то как себя чувствуешь?

- Нормально! – улыбнулась Наташа. – Спасибо тебе!

- Это еще за что?

- За рюкзак и вообще, - Наталья улыбнулась еще раз и неожиданно чмокнула меня в щеку, окончательно вогнав в краску.

Таким взъерошенным и краснолицым и застала меня под кедром вернувшаяся Наталья Александровна:

- Ну, что, отдохнули? Собирайтесь, пора! Веру отвезут в лагерь к Пятке, а нам еще километров десять топать, а уже скоро смеркаться начнет, так что – веселей, ребятки!

Я уже успокоился, мы поднялись и налегке потопали к отряду отдохнувшему у березовой рощи за сопкой.

На ночевку мы остановились почти затемно на берегу небольшой речушки, скорее ручейка, берега которого поросли столетней, уссурийской сосной и орешником. Место, видимо не раз использовали для привалов: кострище было оборудовано рогатками и перекладиной под котелок, а рыжие пятна пожелтевшего лапника указывали, где раньше стояли палатки. Через полчаса, установив свой временный приют, мы уже расположились на живописном берегу у весело потрескивающего огня. Первые звезды помаргивали с темнеющего на глазах небосклона, а от воды тянуло свежей прохладой и запахом ночных цветов, еще не успевших увянуть.

- Ну, что, ребята, - спросила после ужина Наталья

Александровна, - повеселели, или как?

- А, нам, туристам, все – нипочем! – сонным голосом проворковала Наталья, пытаюсь прижаться ко мне плотнее, и устроить головку на плече.

Я недовольно поднялся с поваленной лесины, служившей нам скамьей, и, стрельнув сигарету у Николая, светловолосого, молчаливого парня из Благовещенска, прикурил, отойдя на несколько шагов. Присев на теплый еще валун, я исподтишка наблюдал за мило ведущими о чем-то беседу Славой и Катей. «И чего я такой невезучий, - уныло подумал я, - понравилась девчонка, а она на тебя ноль внимания». Глубоко затянувшись, я закашлялся до слез, чем привлек внимание Натальи Александровны:

- Ты бы не курил, Миша! Зачем легкие портить? Чувствуете, какой здесь воздух особенный, целебный, - обратилась она к остальным. – Только, когда будете ложиться, одевайтесь потеплее: ночью будет прохладно – горы рядом.

- Да, я не курю, так – балуюсь!

- А, ты и не балуйся. Ну, ладно ребята, я пошла спать, не засиживайтесь долго, завтра – трудный день. Подъем – в шесть! Костер – за Мишей, чай – за Катей. Слава и Коля, вы парни крепкие, вот эти три бревна - в огонь на ночь, пусть шают потихоньку, – командирша отправилась в палатку.

- Да, никто ей не нужен, - негромко произнесла у меня за плечом, неслышно подошедшая Наташа. – Никто.

- Ты это о чем? – спросил я, повернувшись и пытаюсь изобразить голосом крайнее недоумение.

- Сам знаешь о чем! – обиженно ответила девушка, заметившая, как я внимательно наблюдаю за воркующей у костра парочкой.

Я помолчал, пытаюсь разобраться, что меня не устраивает в этой милой, привлекательной девчужке, так ко мне расположенной, но ничего не надумав, махнул рукой и тоже отправился в палатку.

- Катя, я вместо тебя подежурю утром, не возражаешь? – услышал я Наташкин голос, забираясь в спальник.

- Да, пожалуйста, я лучше посплю.

- Наталья к Мише неровно дышит! – хохотнул Славка – Она вокруг него круглые сутки готова порхать.

- Дурак ты, Слава, и не лечишься! А, впрочем, думай, что хочешь!

- А, чего тут думать, у тебя на лице все написано.

- Кончайте! – пробасил Николай. – Тебе-то Славка, что за дело?

Я почувствовал благодарность, к этому здоровому, похожему на молодого медведя, широкогрудому парню, не любившему лишней раз открывать рот. Прикрыв глаза, я увидел качающиеся верхушки сосен с мерцающими между ветвями звездами, мелькнувшее, почему-то заплаканное, лицо Наташи, улыбающуюся Катю и, глубоко вздохнув, провалился в сон.

- Вставай, Миша! – открыв глаза, я вновь увидел над собой лицо Наташки. – Костер потух!

Чувствуя, как после вчерашнего перехода трещат кости, а мускулы наполнены болью, я окончательно проснулся и выполз из палатки. Над речкою стелился гус-

той туман, растекаясь белесыми языками между сосен. Костер едва дымил, и мне пришлось изрядно потрудиться, пытаясь оживить чуть тлеющие угли. Наконец лапник вспыхнул, огонь весело заплясал по иголкам, и я, подбросив сучьев в костер, зачерпнул ведром воды из ручья и повесил ведро над огнем. Хрустнула ветка, я поднял голову, к костру из-за ближайших кустов на берегу подходила Наташа. Лицо у девушки после студенной воды стало розовым, а чистые и ясные глаза светились каким-то внутренним восторгом.

- Как красиво! Правда, Миша. – Она сделала широкий жест рукой, указывая и на туманный ручей, и на вековой лес, затянутый дымкой, и на наш палаточный городок. - Ой, ты уже и воду поставил, а я болтаю! Иди, умывайся, я сейчас быстренько чай скипячу, а ты мне поможешь тушенку открыть, сделаем макароны по-флотски.

Я отправился на каменистый плес, где долго плескал в лицо хрустальной, ледяной водой, громко фыркая и отплевываясь. Утеревшись, я вновь почувствовал себя свежим и бодрым. Наталья уже во всю колдовала над ведрами, я открыл топором несколько банок тушенки и посмотрел на часы.

- Пора подъем трубить!

- Подожди немного, у меня еще не готово, - Наташа смахнула со лба упавшую прядь и улыбнулась. – Как тихо, как будто никого больше нет!

Что-то теплое шевельнулось у меня в груди, но я постарался, чтобы девушка ничего не заметила. «Скотина я порядочная!»- мелькнула мысль, а вслух я произнес неопределенно:

- Да.

- Правда, живем в городах, бегаем по улицам, вечно заняты. Вот ты когда последний раз на природу выезжал?

- Почему, мы с ребятами частенько на рыбалку выезжаем.

- Счастливые! – мечтательно протянула Наташа.

- Шесть десять! – Я решительно поднялся и заорал, задрал голову вверх, так что лес долго дробился далеким эхо. – Подъем!!!

- Напугаешь ребят, соловей-разбойник! – звонко засмеялась Наташа, и мне снова сделалось тепло и хорошо.

- Ты чего орешь, как недорезанный, - из палатки появилась заспанная голова Славки, - так и кондрашка хватить может!

- Подъем, господа! Завтракать подано!

- Вот это – дело! – пробасил, протирая спросонья глаза, подошедший Николай. – А, то у меня после вчерашнего марш броска аппетит, как у волка, разыгрался.

- Пять минут, мальчики! Идите пока умойтесь, - Наташа сняла с перекладины ведро с макаронами. – Миша, помоги мне слить воду!

И я в первый раз не почувствовал никакого раздражения от того, что она попросила меня о чем-то.

Второй день марш-броска с утра не предвещал никаких катаклизмов. Погода стояла великолепная, тянул легкий, освежающий ветерок, и первые десять километров мы, шутя, преодолели за два часа. Но потом

началось. Равнина, поросшая травой почти до плеч, на подравной кочке в Девятом бьеобщи топились голой в этом море не скошенного сена и постоянно падали, спотыкаясь на невидимых бугорках и ямах. Да и парни, подхватившие, как и днём раньше, поклажу девочек, через час дышали, как выкинутая на берег рыба. Пот катился ручьями, ел глаза и так уже толком ничего не видящие. Но беда, как говорится, не приходит одна: на втором часу ходьбы по этому проклятому месту подвернула лодыжку Катя.

- Ой! – только и успела пискнуть она, проваливаясь между кочек.

- Что случилось? – испуганно бросилась к ней Наталья Александровна, и, увидев, как девушка со стоном держится за правую ступню, все поняла. – Привал! – командовала она.

Кто, где стоял, там и повалился на хрустящие стебли осоки, прикладываясь к флягам.

- Н-да! – мрачно подвела итог Наталья Александровна, осмотрев и туго перебинтовав Катину лодыжку. – Кажется, приехали!

Все смотрели на командиршу, ожидая, что она скажет дальше.

- Значит так, - немного помолчав, продолжила Наталья Александровна, - здесь в двух километрах к востоку большак. Идти Катя не может, придется нести. Пойдем все вместе, так будет длиннее, но безопаснее. На большаке поймем транспорт. Николай, возьми топор, свали вон там пару березок для носилок.

- Наталья Александровна, я сама пойду, - заявила

Катя, пытаюсь приподняться с земли.

- Сама будешь дома у мамы командовать! Девочки, возьмите у мальчиков рюкзаки. Да, знаю, тяжело будет, но носилки тащить еще тяжелее!

Эти полтора часа мне показались вечностью. Мы двигались медленно, нащупывая почву под ногами, идти с носилками было практически невозможно. Меняясь и подбадривая друг друга, мы наконец выползли на обочину щебеночной дороги, где и попадали на траву живописной группой.

- Ждем машину и приводим себя в порядок. Вон там, у рожицы озерко, быстро всем умыться. Миша, прихвати ведра – воды принесешь. А ты, Слава, сучьев для костра посмотри, возьми с собой девочек. Девочки, не раскисать, все будет хорошо! Держите хвостики пистолетом!

- Да, уж чего хорошего, - пробурчал Слава.

- Мальчики, вы еще не заплачете, - Наталья Александровна расшнуровала кеды. - Советую всем разуться, пусть ноги отдохнут, только ходите осторожно, не наколитесь. Вперед, вперед – нечего киснуть!

- Давай я тебе помогу, - подошла ко мне Наташа.

За эти пол дня она осунулась, но глаза блестели по-прежнему, и улыбка то и дело блуждала у нее на губах.

- Ничего, я сам. Пошли, умоемся.

- Пошли, - Наташка на секунду прижалась щекой к моему плечу и почти полетела вперед, размахивая над головой снятой энцефалиткой.

- Голубки, - снова пробурчал Славка, но, увидев суровый взгляд Николая и осуждение в глазах Натальи

Александровны, смешался и замолчал.

Через полчаса, подкрепившись похлебкой, мы почувствовали себя куда как лучше. Только Катя наотрез отказалась принимать пищу и лежала на расстеленной палатке, закрыв глаза. Лодыжка у нее опухла, и было видно, что девушке больно. Наконец на дороге появился армейский грузовик и мы радостно по вскакивали с обочины. После недолгих переговоров с молодым лейтенантом Катю устроили в кабине. Пока шофер с лейтенантом курили, Наталья Александровна предложила желающим ехать в часть, откуда позвонят в Пятку, и за ребятами прибудет транспорт.

- Кто устал, и не может больше идти, или у кого другие проблемы, прошу не стесняться. Быть потом обузой для товарищей – хуже!

Николай, стрельнув у лейтенанта сигарету, отошел в сторону и присел на рюкзак. Все молчали. Будь я один, меня бы не мучили сомнения, но бросить друзей! Я присоединился к Николаю. Подхватив рюкзак, к нам подошла Наташа.

- А, может, ты поедешь, все-таки? - начал я.

Но Наталья, поставив рюкзак на землю, села и, бросив на меня испепеляющий взгляд, сердито промолчала. В кузов забралась только две девушки и Славка, на прощание обозвавший нас крестинами.

- Значит – так! – осмотрев свою армию, сказала Наталья Александровна. – Всем подобраться, проверить обувь, до ночлега еще пятнадцать с гаком. Вперед!

Я почти силой отобрал рюкзак у Натальи, то же сделали и другие ребята, и мы двинулись по дороге, огибая

болото. Ближе к вечеру я почувствовал, что в кроссовках у меня почти хлюпает, а подошвы горят огнем. Когда мы остановились для ночлега на берегу вполне приличного с кристальной водой озера и пошли купаться, я чуть не заорал благим матом, когда вода коснулась моих раскаленных пяток.

- Что с тобой, Миша? – испуганно подбежала ко мне Наташа, и охнула, когда увидела, как я отдираю с подошв куски кожи.

- Смотри, Наталье не скажи!

Я перебинтовал ступни и направился к костру. А потом, после ужина, сломленный усталостью, я пристроился на брезенте не разобранный палатки, где уже храпел Николай.

- Можно я с вами? – спросила подошедшая Наташа, и, не дожидаясь ответа, легла рядом со мной, закинув руки за голову.

Мы молча лежали, глядя на мерцающие в небе звезды, на тающие между ними искры костра, пока не уснули.

Утром мы снова двинулись в путь, и через полчаса саднящая пятки боль утихла. Не смотря на все мои уговоры, рюкзак свой Наталья мне так и не отдала. К обеда мы вышли к деревне, а еще через полчаса были в лагере у Амура, встреченные восторженными криками остальных волонтеров турбазы, отдохавших, как и положено отдыхающим.

- Ребята, пошли на озеро рыбу ловить, – предложил Николай. – Я тут с дедом в деревне договорился насчет бредня.

Компания наша, с которой мы начинали свой поход,

распалась. Славка и Катя игнорировали наше веселое братство, видимо из чувства вины людей, оставивших друзей в трудный час. Не знаю, почему Катя перестала с нами общаться, а вот Славка – точно по этой причине. А потом я заметил, что он, как это по-русски сказать, бросил что ли, и Катю. Девушка ходила мрачной, а Славка успел завязать отношения с взбалмошной, рыжей девчонкой из соседнего отряда. По крайней мере, я их частенько видел вместе в столовой. Наши отношения с Натальей развивались не шатко – не валко, на все ее знаки внимания я старался ответить, ну, если не равнодушием, так обычными отношениями. Так относятся не к любимым, а к приятелям, с которыми дружат уже много лет. Но мы виделись ежедневно и большинство времени проводили вместе, в одной компании.

- На рыбалку! – захлопала в ладоши Наташа. – Как здорово! Пойдемте, ребята!

- Возьмем спальники, котелок, уху сварганим, - продолжал Николай.

- И правда, пойдем, - поддержала Николая Света, девочка с которой он сдружился еще в походе.

- Можно.

Сидение в лагере порядком надоело. Забавы, типа ловли неядовитых полозов и подбрасывание их в палатки к девчонкам, наскучили, однообразная жизнь по распорядку – опротивела.

- Давай, Миша, в сельпо, а я амуницию пошел добывать.

- А в сельпо зачем? - сердито посмотрела на Николая Света. – Можно и без этого.

- Ну, что за уха без ста граммов? Нонсенс!

- Вам бы лишь причина была.

- Кончай, Свет! От ста грамм, да еще под уху, никому худо не бывало, - я собрался и отправился к пристани, где один предприимчивый мужик, получивший с легкой руки потребителей прозвище «Сельпо», приторговывал из-под полы винцом и водкой.

Через час мы собрались вместе, и, проверив, все ли собрано, отправились через деревню к озеру, расположенному километрах в двух от Амура. Озеро почти пересохло, вода нагрелась, и рыба была сонной, что обещало без особого труда неплохой улов. Прибыв на место, мы выбрали берег покруче, чтобы продувало и было поменьше комаров. Пока девчата разбирали поклажу, мы с Николаем натаскали дров для костра и нарубили лапника для ночлега.

- Вы тут командуйте пока, а мы с Мишей рыбу ловить, - распутал бредень Николай. – Пошли, Миш.

- А где у нас картошка, я пока почищу, - предложила Наташа.

- В пакете, - отозвалась Света, неумело занимавшаяся разведением костра.

- Да, погоди ты, кто же так костер разводит? – налетел на Светку Николай. – Дай, я!

- Шагай, шагай, специалист, вон тебя Миша заждался!

Мы опустились к озеру. Вода была теплой, а гнус еще не появился.

- Ну, что, с богом!

Забредя вдоль берега раза четыре, мы поймали при-

личную шуку на килограмм и с десяток чебаков.

- Пожалуй, хватит на уху, - закурил, присев на камень Николай, - Будешь?

Он протянул мне пачку сигарет.

- Не, не тянет.

- Тогда сматывай невод, девчонки, поди, заждались.

Когда мы вернулись на берег, костерок уже весело потрескивал, а в котелке булькала вода. На расстеленной газете лежал нарезанный хлеб и огурцы, приобретенные у хозяина невода.

- Пойду рыбу почищу, - сказал я и направился к воде.

- Я помогу, - поднялась с бревна Наталья.

- Не стоит, чего руки всем марать.

- Ну, не стоит, так не стоит, - погрустнела Наташа.

- Стоп, господа! – произнес лежащий у костра Николай. – Долой обиды, будем взаимно вежливы. Иди, иди Наташенька, помоги этому чурбану! Девушка ему помочь решила, а он кочевряжится!

- Да, не кочевряжусь я!

- Вот и хорошо, бери девушку и быстро чистить рыбу!

Наталья взглянула снизу вверх, и я почувствовал себя последней свиньей. Нехорошо, даже скверно!

- Пошли, Наташа! – как можно мягче позвал я девушку.

Она поднялась и молча пошла впереди меня к озеру. Я виновато поплелся следом.

- Не обижайся, Наташа, - попытался я начать разговор, когда мы чистили рыбу.

- Не надо, Миша! – мягко остановила меня она и вновь внимательно посмотрела в глаза. – Ребенок ты

еще, Миша.

Я попытался было возразить, но она вновь прервала мои путанные доводы. Спустя некоторое время мы всей компанией хлебали свежую, с дымком, уху, и, перебивая друг друга, болтали не о чем. Гнус так и не появился, видно – время вышло, и сидеть у живого огня было одно удовольствие. Потом Николай со Светой куда-то пропали, а мы отправились на берег, где на озерной воде подрагивала лунная дорожка, и дробились неясные тени, стоящих на берегу, трех сосен. Я бросил на песок спальный мешок, и мы молча стали смотреть на расстилающуюся перед нами вязкую гладь озера, тревожимую только редкими всплесками щук, охотящихся за мальками.

- Как Лукоморье, - сказала тихо, почти прошептала Наташа.

- Только русалки не хватает, - я посмотрел на девушку.

Глаза у Наташи были закрыты, а сама она замерла, подавшись вперед и как будто к чему-то прислушиваясь.

- Поцелуй меня, - неожиданно попросила девушка и повернула лицо, подставляя губы.

Не понимая, что со мной происходит, я притянул ее к себе и прижался губами к пылающим губам Наташи. Голова закружилась, и дальше я почти ничего не помнил: ни горячего шепота, ни впившихся мне в плечи ногтей, ничего. Ночь промелькнула, как одно мгновение, спалив меня без остатка. Уже под утро, когда мы лежали обессиленные, прижавшись друг к другу, она неожиданно сказала:

- Ты, меня осуждаешь, да?

Я горячо начал уверять ее, что это совсем не так, а наоборот, но она прикрыла мне теплой, пахнувшей хвоей ладошкой рот:

- Ну и пусть, мне все равно! - и добавила, - Ведь я же люблю тебя, дурачок!

Потом мы еще долго целовались, заглядывая друг другу в глаза, и пытаюсь отыскать в них искру того чувства, которое бросило нас в водоворот, тянувший все глубже и глубже.

- Пошли купаться, соня, - разбудила меня, неожиданно уснувшего, смеющаяся Наташка. – Сколько можно спать, смотри какое утро!

Солнце поднималось из-за леса на дальнем берегу, легкий туман стелился над водой, а над озером уже кричали чайки, занимаясь своими неотложными делами. Природа просыпалась, предвещая прекрасный, солнечный, и, несомненно, счастливый день. Наскоро искупавшись, мы поспешили к костру, где застали спящую в спальнике Свету и разогревающего на огне чай Николая.

- А я уже думал, что вы в лагерь вернулись! – он посмотрел на нас и, видимо, что-то заметив в наших лицах, расхохотался. – Слава богу, а я уж думал, что вы никогда ни на что не решитесь! Дураки вы оба, давно бы так!

Наташа смутилась, но тут же справилась с собой и, сделав независимый вид, который не скрывал счастливого выражения лица, принялась тормошить спящую Свету.

- Просыпайся, лежебока, чай вскипел!

- Что случилось? – открыла заспанные глаза Светлана, - Пожар, что ли?

- Вставай, вставай, красавица, завтракать пора, - пробасил Николай, снимая с огня котелок.

До вечера я проспал в палатке, как убитый, а перед ужином пошел к девчатам в их обитель. Я уже соскучился по Наташе, как будто не видел ее целый год. Подойдя к палатке, где жили девочки, я услышал плачь и какие-то несвязные слова, доносившиеся сквозь серый брезент. Прислушавшись, я узнал голос Кати, дрожащий от обиды:

- Отвяжись от меня, это мое дело!

- Ну, как же, Катя, он же над тобой посмеялся, - Наташа пыталась в чем-то убедить свою приятельницу. – Таких гадов вешать надо!

- Отвяжись! Ты вон от счастья сияешь, ну, и радуйся! А он пусть с этой кривоногой гуляет, мне все равно.

Я кашлянул, потоптался на месте и вошел в палатку. Катя сидела на спальном мешке, обхватив руками колени и спрятав в них лицо, а Наташа сидела рядом на ящике из-под пива и гладила ее по голове. Я еще раз прокашлялся:

- Добрый вечер!

Катя оторвала от коленей заплаканную мордашку, так мне нравившуюся недавно, и гневно спросила:

- Тебе еще, что надо? Вали отсюда, турист!

От неожиданности я не сразу понял, что делать, а, сообразив, круто развернулся и вышел вон.

- Миша, подожди меня! – крикнула вслед Наташа. – А ты неправа, зачем срывать злость на постороннем человеке?

- То-то этот посторонний с меня глаз не сводил, облизывался как кот на сметану.

- Зря ты так, - сказала, поднимаясь, Наташа, - совсем одна останешься.

- Пошли вы все к черту, жалельщики!

- Ну, смотри, тебе виднее, я пошла.

- Катись, катись к своему ненаглядному! Кому они нужны эти туристы: сегодня есть, а завтра – нет!

- Что это с ней? – спросил я Наташу, когда мы отошли от палатки метров тридцать.

- Тебе это ни к чему знать, - Миша, ответила она, но, помолчав, рассказала кое-что.

Оказывается, Славка не только бросил Катю, но еще и разболтал своей новой пассии об их отношениях. Та язык за зубами держала не долго, и вскоре уже половина лагеря показывала на девушку пальцем. Та не выдержала, и пошла выяснять отношения, но нарвалась на такое неприкрытое хамство со стороны бывшего возлюбленного, да еще при народе, что вынуждена была собраться в дорогу досрочно.

- Ну, и гад он! – только и вымолвил я. – Надо пойти морду ему начистить!

- А, вот этого – не нужно!

Но после ужина я поделился услышанным с Николаем. Он помрачнел и исчез куда-то до танцев. Появился он снова, когда Света начала тревожиться о его пропаже.

- Ты где был?

- Так, - неопределенно махнул рукой Николай

На следующий день Славка из лагеря исчез. Говорили, что ему срочно понадобилось домой, и он, не дожи-

даясь возвращения на турбазу, уплыл на проходящем трамвайчике в город. Еще через день уехала и Катя.

Потом нас повезли па автобусах назад, а желающим предложили посидеть день в тайге: начинались соревнования по спортивному ориентированию и понадобились контролеры на точках. Я и Наташа с радостью согласились: кому не захочется побыть день наедине, тем более, что единственная обязанность контролеров заключалась в фиксировании времени участников при прохождении маршрута.

Точка, где нас оставили, находилась в кедровом бору, на поляне. Посередине поляны возвышалась огромная, как шалаш, куча шелухи от кедровых шишек, а под кедрами протекал прозрачный ручей, на песчаном дне которого резвились стайки серебристых гальянов. Нас снабдили двумя банками тушенки и оставили одних. Лес негромко шумел вершинами, скрывающимися где-то в недоступной вышине, ручей звенел своими песнями, а неугомонные кедровки кричали в кронах, занимаясь заготовками на зиму. Мы были счастливы.

- Я бы здесь на всю жизнь осталась, - мечтательно говорила моя любимая, а я согласно кивал головой, глядя на ее, озаренное внутренним светом, лицо.

- А тебе бы не стало скучно?

- Ну, что ты, красота-то какая!

- Поцелуй меня.

- Ах, ты, шалунишка, уже соскучился!

К вечеру нас забрали, не забыв напоить молоком в деревне. Хлеб был горячий и такой вкусный.

Утром, на турбазе, после завтрака, на который На-

таша не появилась, я узнал, что к ней приехали мама и папа. Мне почему-то стало неловко, и я постарался скрыться подальше, забравшись на сопку, где мы тренировались три недели назад ставить палатки, разжигать огонь и готовить похлебку. Здесь меня и нашла Наташа.

- Ну, куда же ты пропал? Пошли скорее, я тебя с мамой и папой познакомлю. Они, знаешь, какие у меня! Пошли!

- Неудобно, - заупрямился было я, но Наташка решительно потащила меня за рукав и я подчинился, проклиная свою бесхарактерность.

- Знакомьтесь! Это – Миша, мой самый лучший друг, а это – мои папа и мама.

Я пожал протянутую ладонь Наташиного отца, и что-то нечленораздельное пробормотал матери, мучительно потея и краснея.

- Что-то друг у тебя дочь больно стеснительный, - заметил отец.

- Не приставай к молодым людям, Алексей! А ты дочка собирайся, пароход через два часа.

- Я успею, мама! – и Наташа потащила меня на сопку, где мы долго прощались, молча обняв друг друга. Я вдыхал теплый запах ее волос и комок подступал к горлу.

- Ну, мне пора, - подняла, наконец, заплаканные глаза Наташа. – Ты мне напишешь?

- Как только приеду.

Она еще раз поцеловала меня и, резко повернувшись, пошла в сторону базы. А я долго смотрел вслед тонень-

кой девичьей фигурке, пока она не скрылась в распадке, и сердцем понимал, что что-то в моей жизни закончилось и уже больше таким же, как сейчас, не будет.

Через час пароход отчалил, и я никак не мог оторвать взгляда от светлого пятнышка на корме, махавшего мне платком.

- Напиши! – донеслось до меня эхом по реке, и я поднял руку, согласно кивая головой, хотя меня вряд ли можно было увидеть с такого расстояния.

Я так и не написал письма. Новые заботы и новые друзья стерли в моей памяти дорогой и прекрасный образ девчонки по имени Наташа. Но еще долго по ночам ко мне приходили светлые сны о тех незабываемых днях на далекой таежной турбазе, где я был счастлив и любим.

Зачем я все это вспомнил? Наверное, потому, что жизнь подарила мне одну из самых своих прекрасных страниц, которую я беззаботно вычеркнул, так и не поняв до конца, что она уже никогда не повторится.

5.01.05 г.

СУКА

Сука была старой, она уже не помнила, сколько прожила. Последнее время ее мучили боли в суставах, и она чувствовала, что скоро умрет: вкус пищи, которую приносил хозяин, уже не радовал ее, а щенок, вертевшийся рядом, даже раздражал. Когда он особенно наглел, она хрипло рыкала на него, иногда кусала легонько, после чего он притихал на какое-то время, а потом все начиналось с начала. И чего ему не лежит, тем более что будка свободна? Ей не хотелось заползть туда: на свежем воздухе легче дышалось, ветерок щекотал ноздри, а запах цветущей яблони-дичка отбивал запах умирающей плоти. Утром хозяйка вынесла ей теплого молока и она с благодарностью лизнула хозяйкину руку. Молоко напоминало ей о том времени, когда ее, маленьким, дрожащим комочком, впервые принесли в этот дом. И, первое, что ей запомнилось – это вкус молока, которое она лакала из голубого блюдца, торопясь и захлебываясь. Сейчас молоко унимало ту противную, изнуряющую усталость, давно поселившуюся в ее теле, и давало возможность хоть немного поспать. Щенок убежал на огород, тревожить заросли лопухов, где занимались своими делами вечно озабоченные куры, и сука задремала...

...Ей приснилось, что она снова молода, и хозяин, вняв ее настойчивым просьбам, выразившимся в оглушительном лае и прыжках возле машины, сжалился и взял ее с собой на озеро. Часа два, пока они добирались, она терпеливо лежала под задним сидением, гло-

тая пыль и получая синяки от подпрыгивающего на ухабах металлического пола. Но все эти мучения стоили того, что ее ожидало, когда, наконец, хозяин заглушил машину и выпустил ее на волю. Огромное, голубое, отражавшее легкие барашки облаков, зеркало воды лежало окаймленное чистыми, сосновыми борами. Беломошник под соснами терпко пах смолой и незнакомыми запахами каких-то местных обитателей. Озеро у берегов было мелким, и она с удовольствием носилась по теплой, прогретой солнцем воде, поднимая фонтаны брызг, сверкающих, как бриллианты.

- Ну, хватит, хватит, - остановил ее хозяин, спускающий с товарищем на воду надувную лодку. – Ты пока, давай, карауль машину, а мы поплывем, сети поставим.

Она все поняла, легла возле машины, и, положив голову на передние лапы, долго смотрела в их сторону, пока они не скрылись за поросшим березняком мысом. Легкий ветерок трепал ей шерсть на загривке и состояние полнейшего блаженства переполняло ее. Примерно через час они вернулись с ведерком пойманной рыбы, и она радостным лаем приветствовала их. А потом, наевшись свежей ухи, она лежала возле потрескивающего и приятно согревающего бок костра, чутко прислушиваясь к неторопливому разговору, который вели рыбаки и к тем необычным звукам, которые рождал ночной, притихший лес. Мерцающие звезды подмигивали ей с темного бархата небес, и она счастливая и полная сил мечтала о том, что когда-нибудь снова вернется сюда...

...Возвратившийся с листом лопуха в зубах щенок разбудил ее своей бестолковой возней, возвратив из со-

стояния приятной полудремы к реальности. Она вновь рыкнула на него, и он отпрыгнул в сторону, радостно попискивая. «Натаскал всякой гадости, - подумала она. – И чего ему нейметя?» Она вспомнила, как хозяин принес его на прошлой неделе и сунул к ней в будку.

- Смотри, не обижай! – пригрозил он ей, и она, поворчав немного, потеснилась, освобождая место сопливному и скулящему комочку шерсти. Ночью он затих, прижавшись к ней, и она даже почувствовала некоторую приязнь к этому беспокойному, вечно суесящемуся созданию. Но днем, когда боли в конечностях становились невыносимыми, а на душе тоскливо, она старалась прогнать его и остаться наедине со своей болью. Скрипнула калитка. Вернувшаяся из школы дочка хозяина подошла к ней и присела рядом.

- Ну, как ты? – теплая ладонь погладила ее, и она с благодарностью приподняла голову, взглянув в печальные глаза девочки. – Лежи, лежи. Я тебе сейчас каши сварю.

Девочка поднялась, подхватила портфель и скрылась за дверью в доме. Сука вспомнила, как однажды она отбила дочку хозяина от напавшего на ту рыжего, лохматого кобеля. Кобель был гораздо крупнее, но она не уступила ему, собрав все свои силы и природную хитрость. В конце концов, он отступил, а увидев вышедшего из дома хозяина и вовсе пустился наутек.

Кровь капала у нее из разорванного уха, но она не чувствовала боли. А когда хозяин перевязал ее, да еще и дал в награду за смелость огромную кость, гордость переполнила ее. С тех пор она не давала спуска ни од-

ному обидчику, а девочка всегда приносила ей разные вкусы оставшиеся от обеда.

Дверь открылась, на крыльцо вышел хозяин и, присев на ступеньку, закурил. Преодолевая боль, сука поднялась и, с трудом переставляя лапы, поднялась по ступеням. Свернувшись калачиком у ног хозяина, она затихла, ощущая знакомый, всегда приятный ей запах этого человека. Конечно, и он иногда бывал груб с нею, особенно когда возвращался поздно вечером и от него пахло водкой. В такие моменты она старалась спрятаться куда-нибудь в угол и стать, как можно незаметнее. Но он был главным в этом доме, и она прощала ему грубость, тем более, что он ни разу за всю ее долгую жизнь не забыл накормить ее, а в самые холодные, зимние ночи пускал погреться в теплые сени. Хозяин погасил окурок и внимательно посмотрел ей в глаза.

- Что, собака, совсем худо? – он почесал у нее за ухом. – Крепись, хозяйка обещала достать лекарство, попьешь, глядишь, – и полегчает.

Сука приподняла голову и посмотрела хозяину в глаза. Если бы она могла говорить.

- Ничего, потерпи, старушка, - хозяин вновь потрепал ее за ухо. – Ну, отдыхай.

Он поднялся и пошел к сараю, а сука, опустив голову, закрыла глаза и почувствовала, как ее качают невидимые волны, убаюкивая на своих упругих, почти неощутимых гребнях. Она снова увидела себя молодой и сильной, несущейся по зеленому, цветущему лугу, а впереди, над пригорком сверкал и переливался всеми цветами радуги огненный шар, в котором угадывались чер-

ты лица ее хозяина. Так во сне она и умерла.

Вернувшийся через час хозяин обнаружил ее еще теплой. Горько вздохнув, он прикрыл ей глаза и пошел в дом сообщить, что суки не стало. Щенок, забившись в угол между будкой и забором, отчаянно скулил и никак не хотел покидать своего убежища, даже когда его попытались оттуда вытащить. Хозяйка с дочкой горько рыдали, глядя шерсть застывшей калачиком собаки. Хозяин потоптался рядом, не зная, как их успокоить, а потом взял лопату и отправился в лесополосу рыть могилу. Он выбрал небольшую, заросшую травой полянку на пригорке и долго рыл яму, пробиваясь через густо сплетенные корневища, пока не дошел до чистого, желтого песка. «Сухо, кажется, - подумал он. – Здесь ей будет хорошо».

Возвратившись на подворье он застал их все там же плачущими. Прикрикнув на них, он попросил принести старое одеяло и, завернув в него собаку, понес ее на руках через дорогу к поляне. Жена и дочь поспешили за ним, пытаясь помочь, но он донес уже застывшее тело один.

- Прощайтесь, - глухо сказал хозяин, положив сверток на край ямы, и женщины снова заплакали.

Когда над могилой образовался невысокий, аккуратный холмик, дочка принесла зеленую, пушистую ветку сосны и воткнула в рыхлую землю.

- Ну, вот и все, пошли, - мужчина повернулся и, чиркнув спичкой, снова закурил.

Они молча пошли домой, понимая, что часть их жизни, плохая ли, хорошая, но закончилась. Один из чле-

нов семьи навсегда покинул их. Дочка, шмыгала носом, утирая кулаком слезы, а мать, обняв, прижимала ее к себе, успокаивая, и глядя по русой головке. Говорить не хотелось, каждый думал о чем-то своем, глубоко потаенном в душе. У калитки их встретил выбравшийся из своего угла щенок, молчаливый и как-то сразу повзрослевший...

А неожиданно налетевший порыв ветра качнул соновую ветку на свежем холмике земли и, растревожив траву на поляне, так же внезапно исчез.

2 – 4.12.04 г.

КЛОУНЫ

Первая реприза

Собрание продолжалось уже около часа, и воздух в гудящем, как растревоженный улей, битком набитом красном уголке нашей замечательной конторы сделался вязким и душным. После короткого перерыва председательствующий, заместитель управляющего по производству Агеев, объявил следующий вопрос повестки дня, ради которого, собственно, и собрался почти весь коллектив, включая беспартийных:

- Персональное дело Симакова Александра Васильевича. Слово для сообщения предоставляется секретарю партийного бюро Горбунову Николаю Федоровичу.

Секретарь поднялся и направился к трибуне, а я вспомнил, как все началось...

...Перестройка и ускорение в державе шли полным ходом. Собрания, заседания и всевозможные выборы разнообразных советов трудовых коллективов разболтали дисциплину производства и трудового распорядка до основания. Митинговать, и ни хрена не делать – это мы умели с далеких и героических времен Великой Революции, возможно даже раньше, а уж потоптаться на поверженном трупе начальника, образно выражаясь, так это – хлебом не корми! Вот в это веселое и лихое время зарождения демократии и прочей лабуды, когда я уже не мог без ненависти смотреть на вызывающие, наглые морды, окружавшие меня ежедневно, мне и предложили повышение: должность главного инженера глав-

ка. Я особенно долго не раздумывал и сразу согласился. После недельного отпуска, который мне предоставил по моей просьбе управляющий, я появился в стенах учреждения, где мне предстояло трудиться на благо Отечества и народа, не щадя живота своего. Надо сказать, что кроме основной должности по штатному расписанию, я в те времена был избран, как это ни странно, председателем Совета трудового коллектива главка, то есть, по сути, являлся высшим должностным лицом органа, решения которого были обязательны для всех работников, включая управляющего. А управляющий, человек не особенно волевой и решительный, но хитрый и, как я понял позже, злопамятный, даже не пытался как-то воздействовать на Совет, предпочитая наблюдать за всей этой демократической вакханалией со стороны. Позиция, конечно, - мудрая, но для главка губительная: плановая экономика уходила в прошлое, и нужно было крутиться волчком. Под лежащий камень – вода не течет.

Первое, что я предпринял на новом рабочем месте, - это внимательно рассмотрел штатное расписание и количественный состав конторы, в которую попал. Эти показатели вызывали в подведомственных управлениях глухое раздражение: там считали, что кормить такое количество в основной массе бесполезных работников - большая роскошь. Поэтому, как председатель, я по поручению предыдущего собрания Совета должен был досконально разобраться с этим вопросом, а, как главный инженер – дать управляющему свои конкретные предложения. Что я, собственно, и сделал. Из семидесяти

восьми человек я предложил оставить пятьдесят, тем более, что большинство должностей были вакантными, и вживую надо было уволить не более пяти-семи человек.

- Думаю, в первую очередь пенсионеров, - предложил я управляющему,

когда тот вызвал в кабинет начальника кадров.

- Почему пенсионеров, Александр Васильевич, - начальник отдела кадров зашелестел грассбухом, - у нас со средне техническим образованием полно народа, а у старшего поколения и образование покрепче, и опыта побольше.

- Ну, не молодых же ребят, которые учатся!

- А почему бы и нет? Переведем кое-кого в управленческие комплектации.

- Э, так дело не пойдет, управление тоже на содержании, что толку перемещать бесполезный груз?

- Вам виднее, - начальник отдела кадров обиженно поджал губы и вопросительно посмотрел на молчащего управляющего.

Тот задумчиво погрыз кончик карандаша, перевел взгляд с кадровика на меня, и предложил подготовить приказ на сокращение. Я, было, начал говорить, что кадры – это его дело и допускать к решению кадровых вопросов посторонних не следует, но управляющий махнул рукой, показывая, что разговор окончен.

За неделю до очередного заседания Совета я принес приказ на подпись, но хитрый лис, сославшись на спешку и какие-то неотложные дела, попросил подписать его мне самому, что я и сделал, испытывая некоторую не-

ловкость перед людьми, которых увольнял. Зато, в отношении решений Совета, совесть моя была чиста: я мог спокойно доложить высокому собранию, что численность сокращена. По молодости и наивности я сразу и не понял, что меня подставили, и до поры до времени не замечал косых взглядов подчиненных в коридорах и стихающих при моем появлении разговоров на лестничной площадке, где курили мои сослуживцы...

- Здорово, Саша! – мы обнялись с сияющим Аркадием, начальником строительно-монтажного управления, которого я не видел больше трех месяцев. – Ну, как ты тут?

- Вроде освоился. Правда и врагов нажил немало.

- Это ничего, враги стимулируют кровообращение. Не обращай внимания – делай свое дело!

- Я и делаю.

- Ну, и молодец! Торгомыч прибыл?

- Позавчера прилетел.

- Вот, блин, поди все УПТК уже обчистил?

- Все не все, а времени не теряет, Поехали в гостиницу.

- Поехали, - озабоченно засуетился Аркадий, - вещи брошу и в УПТК! Машину дашь, надеюсь?

- Обижаешь!

- Когда Совет? - спросил меня дорогой Аркадий.

- Завтра в десять.

- Ну, тогда вечером посидим.

- Не могу, завтра докладывать надо, а после нашего «посидим» - сам понимаешь. Тем более после Совета – банкетик в столовой УПТК намечается, сам видел, как

профсоюз суетился. Завтра и посидим.

- Ладно, завтра – так завтра! Я сегодня тогда снабжением займусь вплотную, а то Торгомыч все склады к себе в Нягань перевезет.

- Не бойсь, и тебе кое-что достанется.

- Да, уж, надеюсь. Краска появилась?

- Завезли.

На следующий день, ровно в десять, я доложил, собрание одобрило, сияющий управляющий, которого никто не тронул, как обычно, пригласил всех в автобусы.

- Не гнусили? – спросил Торгомыч по поводу сокращения и реорганизации.

- Гнусили, некоторые – даже очень.

- Хреново тебе, Сань, будет, тут таких дел не прощают.

- Перебьемся!

- Тебе видней, а я бы – остерегся!

- Да, ладно, тебе каркать! Подъезжаем, кончай о плохом, сейчас тосты будешь толкать. Это у тебя лучше получается и веселее.

Банкет шумел, плясал и пел, как и положено банкету. Особо рьяным уже наливали «на-посошок» и развозили по номерам.

- Сань, а она с тебя глаз не сводит, - Аркадий кивнул в сторону Наташки, начальницы отдела труда.

- Ага, только там мы еще и не были.

- Ну, ты это – зря! Девушка вполне достойная, упитанная и вообще.

- Замужем она.

- А, при чем тут - замужем? Ты, Санек, совсем нюх потерял: тебе женщина знаки внимания оказывает, а ты,

как слон, хобот воротишь.

- Кончай трепаться. Пошли, Мишка заждался, ему тоже отдохнуть нужно, в гостинице договорим.

- Миша, тебя Саша не обижает? - уже в машине спросил Аркадий моего водителя.

- Что, вы, Аркадий Гаврилыч! Александр Васильевич – человек вполне адекватный.

- Да, ну? А я думал, что он шашкой машет без разбора, как обычно.

- Не лезь к человеку, - пробурчал проснувшийся Торгомыч, водки прихватили?

- Ба, любимец женщин и детей проснулся. С добрым утром, дитя гор!

- Я тебе про водку, а ты мне – про березы. Не суетись, Аркаша, мы еще живы. Завтра в свои берлоги уберемся, а Сашке эту навозную кучу разгрести, да разгрести.

- Разгребем, не писай! Миша, завтра к девяти в контору, - машина остановилась у «Востока», лучшей гостиницы Тюмени. – Выгружаемся, мужики!

Добрая половина гостей уже гужевала в ресторане. Оркестр играл любимую песню северян: «Я подковой вмерз в санный след, в лед, что я кайлом ковырял, ведь недаром я двадцать лет оттрубил по тем лагерям...»

- Пошли лучше в номер, а то тут скоро разборки начнутся, - Торгомыч круто повернулся к лифту. – Пошли, потолкуем в тишине.

В номере на третьем этаже я и доложил друзьям, что хочу сократить аппарат любимой конторы до двадцати пяти человек.

- Ты, что, ошалел? - Торгомыч покрутил пальцем у виска. – Тебя же с потрохами сожрут! Ты сначала глянь – на кого руку поднимаешь! Там же одна Папина родня!

Папа – основной заказчик, начальник лесного главка, человек был незаурядный, но чуть-чуть не в себе. Нельзя сказать, что дурак, а так: чуть-чуть тронутый. И все его многочисленные снохи, внуки и прочая родня благополучно просиживали стулья в нашем родном главке, отлавливая надоедливых мух и разрисовывая чертиками казенную бумагу. Скользкую тему оставили в покое, выпили по рюмочке, перешли на жите-бытье, и тут в дверном проеме нарисовалась Наталья, особенно красивая, с шалыми глазами, как всякая поддатая женщина, и слегка растрепанная. Ни слова, не говоря, она уселась на кровать и уставилась на меня Своими круглыми, карими сливами. Торгомыч откинулся на кровати и заржал.

- Приехали! - сказал Аркадий. – Чего тебе, Наташенька?

- Да уж не тебя, старый хрен, - снова заржал Торгомыч. – Ладно, Сань, топай уже, а то девушка истает на нет. Завтра Миша в аэропорт подбросит, я надеюсь?

- Нет вопросов, все будет исполнено в лучшем виде. Да завтра! - я попрощался, и побрел с Наташкой вон, кляня себя, что опять нарушаю святую заповедь: « Не живи...» и так далее.

...Очнувшись, я понял, что секретарь обращается ко мне:

- Почему вы Александр Васильевич без разрешения взяли машину управляющего, не предупредив никого?

А вдруг она срочно понадобилась бы?

- А вы, что, считаете, что я взломал гараж и угнал транспорт?

- Никто вас в этом и не обвиняет.

- Я тоже подозреваю, что здесь не прокуратура, а партийное собрание. И кому нужна машина в выходной?

- Не ерничайте, Александр Васильевич, люди хотят от вас правду услышать...

Краем глаза я заметил в темном углу горящие мщением глаза Наташки: «И эта, стерва, приперлась! Чего им всем нейдет?» Когда наш роман затянулся и перешел в фазу – все всем известно, с дамой я расстался решительно и, видимо, не особенно политкорректно. Зато – эффективно и быстро. Такие дамы, при внешности и должности, как правило, обид не прощают. Особенно начальникам. Вот теперь я и получал по счету, как от любовницы, так и от напуганных и неуверенных в завтрашнем дне подчиненных. Короче, от всех с кем соприкасался, не пнул меня только ленивый...

Я припомнил, как звонил управляющему, когда под Новый год дома, в своей деревне, куда я приехал в краткосрочный отпуск, предполагая после него заняться делами в этом регионе, где располагались три подведомственных главку строительных управления, получил известие о смерти дяди. Я позвонил и попросил этого козла подогнать машину в аэропорт, поскольку пилить до места похорон нужно было еще километров двести. И он обещал. Но, когда самолет приземлился, машины я не обнаружил. Не обнаружил и Мишку, своего шофера, он

оказался на охоте, и супруга его развела руками, пояснив, что Мишку никто ни о чем не предупредил, тем более, машина оказалась в ремонте. Не долго думая, я пошел в соседний подъезд к водителю управляющего, и получил от Ольги, его жены и нашей секретарши, ключи от «Волги» с пожеланием счастливого пути. Витька, ее муж, был на соревнованиях по ралли, и, естественно, не мог меня подбросить до Тавды.

Через два дня я вернулся, заплатил за бензин в бухгалтерии, и забыл про этот эпизод. Но тут подкатили проводы на пенсию начальника кадров, и, после вечернего застолья, по пути домой я высказал управляющему все, что я о нем тогда думал. Кроме всего прочего, я обнародовал мысль о грядущем сокращении и пояснил ошалевшему от такой моей наглости управляющему, что доведу это дело до конца. Засуетились все снохи, тещи и прочая шушера. Контора гудела, как встревоженный улей.

Вот тут-то и случилось собрание партийной организации, на которое пригласили всех желающих, а некоторых в обязательном порядке, дабы отплясать жигу на моем молодом и красивом трупе...

- Правду, так – правду! – и я попер так, что даже ветераны, которым я на предыдущем собрании предложил перевестись в ЖКХ по месту жительства и не портить воздух в конторе, рты раззявили, забыв для чего они собрались.

Короче, после всех дебатов и страстных выступлений я получил выговор без занесения. «Хрен с ним, выговор – не триппер, от него еще никто не умирал», - ухо-

дил я с собрания, лелея в голове зловещую мысль о мщениии и, что все эти засранцы завтра у меня попляшут. Но завтра меня ни с того ни с чего пригласили в райком, где на совете старейшин древний старичок с бабулькой, руководимые молодым и ретивым заворгом, внимательно выслушав мои объяснения, объявили, что будут рекомендовать райкому исключить меня из партии.

- А кто вы такие, чтобы нарушать Устав и решения первички? – задал я вопрос этим старым, несомненно, заслуженным людям, пытаюсь обнаружить искру понимания и сочувствия в ускользающих, виноватых взглядах, и не обнаружив оного, отправился в управление, где все подчиненные с испуга попрятались по щелям.

- Ко мне – никого! – объявил я Ольге. – Особенно этих шлюх, секретаря и управляющего.

- Понятно, – ответила Ольга, пряча улыбку в уголках губ, - никого, так – никого!

В душе кипело, если бы кто-то из этой парочки попался мне на пути, я бы их растер по паркету, да и остальная челядь исчезла вовремя. «Клоуны, ну, точно – клоуны!» - я потихоньку успокоился. Раздался звонок внутренней связи, и Ольга доложила, что меня хочет слышать и решительно настаивает на этом заместитель Папы, мой хороший приятель, бывший директор леспромхоза, у которого я много лет работал в качестве подрядчика, Борис Борисович Грачевский.

- Соедини.

- Саша, - услышал я в трубке знакомый голос, - я к тебе сейчас подойду, переговорить надо. Разговор, сам понимаешь, - не телефонный.

- Подходи, Ольга пропустит.

Минут через пять, вошедший в кабинет Борис растолковал мне, что я – кретин и писаю против ветра:

- Квартиру ты, старик, не получил, и, смею тебя уверить, не получишь! Думаешь, Папа тебе все твои выкрутасы простит? Это со своим олухом ты можешь, что хочешь вытворять, а здесь – глухо! Короче, дуй назад в деревню, работу я тебе нашел: будешь замом по строительству мебельной фабрики. Зарплата – приличная, квартиру ты еще не сдал, так что это – лучший вариант.

Я поразмыслил и вынужден был согласиться с приятелем: работать, когда под тебя копают – это не для меня!

- Помоги только барахло контейнером отправить, а то со своими, как я понимаю, мне нынче не в протык.

- Ну, вот, и чудненько! А в райкоме не кипятись, никто на твою невинность покушаться не станет, я уже договорился.

- Да, пошли они!

- Я говорю – не кипятись, понятно! Лучше от того, что ты там всех разведешь, никому не станет, Ну, давай! А контейнер с мужиками я тебе в понедельник подгоню.

На следующий день я побывал на заседании бюро райкома, где вчерашний заворг к моему удивлению доложил, что хотя моя вина и имела место быть, человек я – молодой, и у меня все впереди. Бюро согласилось и объявило мне выговор без занесения. «Клоуны! По-другому и не назовешь. Самые натуральные клоуны!» - подумал я, и впервые с тех пор, как я получил партбилет,

у меня в голове возникли смутные сомнения в принципиальности и бескомпромиссности поступков нашей любимой партии. Еще через три дня я уволился и отбыл домой, чему были рады все, в том числе и я. Обидно, конечно, что не дали развернуться, но и смертельного ничего не случилось. Была бы шея, а хомут всегда найдется! Тем более если шея молодая, а ноги еще носят по грешной земле.

Вторая реприза

Вася Пименов, бывший партийный вожак местного леспромхоза, а ныне – первый секретарь райкома, позвонил мне домой и попросил зайти к нему завтра в любое удобное время:

- Поговорить Саня надо.

- Часов в одиннадцать забегу, а то у меня с утра подрядчики выполнение сдают.

- Договорились, да завтра!

Утром, решив все свои дела и попив кофе с молоденькой и симпатичной плановичкой нашей дирекции, я собрался в райком.

- Не пойму, зачем я Василию понадобился? – сказал я начальнику попросив у того машину на полчаса.

- Съезди, раз секретарь приглашает – значит нужен!

- Ну, тогда я поехал, а машину сразу отправлю. Появлюсь уже после обеда.

- Давай!

Минут через десять я уже стучался в тяжелые двери кабинета первого секретаря:

- Разрешите?

- Заходи, заходи, - поднялся мне на встречу, протягивая руку, Василий Зиновьевич. – Присаживайся. Чаю хочешь?

- Нет, спасибо! Только что кофе напузырился.

- Тогда давай сразу к делу. Ты в курсе, что тебя за отрыв от организации исключили?

- Чего? Это кто же такой смелый без меня – меня же-нил? Шутишь что ли?

- Какие шутки! Вот, протокол собрания первички завода, - секретарь протянул мне бумагу, в которой значилось, что за систематическое отсутствие на партийных собраниях и несвоевременную уплату членских взносов, имярек исключается из рядов Коммунистической партии Советского Союза и протокол собрания направляется в райком на утверждение.

- Да, пошли они! Ты же знаешь, что мы с завода полгода, как съехали. И когда у них там собрания бывают, нам не докладывают. А потом и попасть туда проблематично: восемь километров, сам понимаешь. Да и дела их в принципе нам до лампочки, задачи совершенно разные.

- Я-то понимаю, но что-то делать нужно. Директор твой в леспромхозе остался, а ты – вроде как, не у дел. Давай тебя, что ли, к нашей конторе припишем. Есть, правда, соображение: тут в кооперативном управлении механизации два члена партии имеются и тоже бесхозные, вот если бы вам объединиться, да создать свою организацию, а там и директора к себе перетащите.

- Ладно, я переговорю с мужиками, тем более, что

знакомые хорошие, и сообщу тебе результат.

- Вот и прекрасно! Если договоритесь, сразу протокол ко мне, ну, и секретаря выберите.

- Постараюсь завтра с утра состыковаться с ними, а потом позвоню.

Мы распрощались с Василием, и я вышел на свежий воздух, загруженный новой заботой, невесть откуда появившейся. «Это ж надо – исключили! Еще одни клоуны появились, смехота, да и только! Откуда в России столько дураков?» - я закурил и присел на скамейку, раздумывая, как бы пораньше с утра попасть в управление механизации и застать всех, кто мне нужен, на месте.

- Здравствуйте, Александр Васильевич! – я поднял глаза и с удовольствием обнаружил, стоящую передо мной Женечку, делопроизводителя из райисполкома, девушку симпатичную и во всех отношениях достойную. Женечка симпатизировала мне, но дальше пламенных взглядов и прибауток во время случайных встреч дело не доходило.

- Здравствуйте, Женечка! Как обстоят ваши многотрудные дела? Жив ли председатель и не произошло ли в нашем околотке чего-то необычного и из ряда вон выходящего?

- Вы все шутите, Александр Васильевич, а у нас ЧП.

- Да, что вы говорите? И что же это за чрезвычайное происшествие такое?

- Кто-то пробрался ночью к нам в приемную, снял табличку у председателя с двери кабинета, и нарисовал черной краской неприличное слово! Милицию на ноги

подняли, ищут, кто это сотворил.

- Фу ты! А я-то думал, убили кого.

- Господь с вами, убили! И так в райисполкоме все на ушах стоят, а Федор Иванович в таком состоянии, что к нему лучше и не подходить.

- А, что за слово-то написали?

Женечка оглянулась, Округлила глаза, а потом, наклонившись к моему уху, прошептала:

- Козел!

- Хе! Чего ж тут страшного? Правда – она и есть правда!

- Вам бы все смеяться.

- Козел – он и есть козел, тем более – похож шибко. Меня вон из партии исключили, и – ничего, жив, как видишь.

- Ой, что вы говорите! Что же теперь будет?

- А, ничего. Был, как говориться рядовым партийцем, а теперь, если все будет нормально, в секретарях похожу. Не было счастья – так несчастье помогло!

- А у меня даже сердце опустилось, - выдохнула Женечка. – Вы, Александр Васильевич, бессердечный человек: нельзя так девушек пугать!

- Готов загладить свою вину, Женечка! Пойдемте вечером в «Современник», посидим, потанцуем, если не возражаете. И давайте – на «ты», знакомы-то не первый день. Да, я и старше вас всего-то лет на десять.

Лицо у Женечки стало пунцовым, и на нем проступили плохо скрываемые муки борьбы между «льзя» и «нельзя». Я достал сигарету и, ожидая ответа, чиркнул спичкой, спрятав лицо в ладонях.

- Хорошо, Александр Васильевич, - девушка справилась с собой и смотрела на меня открыто и даже слегка вызывающе.

- Тогда в семь. А я пока пойду дела свои грешные улаживать.

- До вечера, - Женечка повернулась так, что юбка поднялась колоколом, и почти бегом умчалась в сторону райисполкома. «А что она тут делала» - запоздало подумал я, и, догадываясь об истинных причинах этой случайной вроде бы встречи, испытал в душе теплое чувство к милейшему созданию. Поднявшись, я направился в столовую.

Ровно в семь я встретил Женечку у входа в кафе и галантно проводил ее за столик. После обеда я успел связаться с ребятами из кооператива и договорился, что они подъедут ко мне в контору завтра к обеду.

- Что будем пить?

- Я не пью! Если только вина чуть-чуть.

- Тогда принесите двести десертного и триста – коньяку, - кивнул я официанту.

Заиграла музыка. Я помахал барабанщику Вите, с которым был знаком уже лет пятнадцать, еще с армейских времен. В перерыве он подошел к столику и присел на свободный стул:

- Как дела, сто лет тебя не видел?

- Нормально. Познакомься, это – Женя!

- Очень приятно! А чего вы не танцуете? Тащите этого медведя в круг, а то он здесь за столом и усохнет.

Женечка вопросительно посмотрела на меня.

- Ты бы, Витя, лучше нашу любимую с ребятами

исполнил, а мы бы потанцевали. Выпить хочешь?

- Не, Валька съест!

- А кто это – Валя! – спросила Женечка, когда Витька отошел к оркестру.

- Супруга нашего уважаемого Виктора Ивановича. Они уже лет восемь вместе, сыну – пять лет. Пойдем, потанцуем, - я взял девушку за руку и повел к середине зала. Легонько прижав ее хрупкое тело в светлом, шифоновом платье, я поцеловал девушку в щеку, чем поверг ее в крайнее смущение, и повел вдоль столиков под звуки танго: «Есть в графском парке черный пруд, там лилии цветут, там лилии цветут...» Девушка успокоилась и уже озорно поглядывала мне в глаза, улыбаясь и рассматривая посетителей ресторана. Так мы и провели весь вечер, танцуя и беззаботно болтая о всякой ерунде, почему-то всякий раз вызывавшей смех к месту и не к месту.

Провожая девушку домой, я было попытался прижать ее в полутемном подъезде, но она осторожно вывободилась из моих объятий, и, чмокнув меня в щеку, прошептала: «Спасибо за вечер!» После чего исчезла за дверью квартиры, пообещав в субботу прийти на танцы.

На следующий день, ближе к обеду, в моем кабинете появились будущие члены нашей новой партийной организации. В течении получаса, выкурив по паре сигарет, мы решили все организационные вопросы.

- Пятьдесят процентов взносов, - пояснил я своим новым товарищам, - остаются в распоряжении первичной организации, так что ближе к осени, когда гнус про-

падет, организуем пикничок, где-нибудь на озере.

- Вот это – дело!

И после обеда я отправился в райком с написанным на скорую руку протоколом о создании организации и о моем избрании ее секретарем. Там без всякой проволочки мне выдали журнал партийной работы, план проведения мероприятий райкома и печать «Уплачено» для отметки в партбилетах. Жизнь продолжалась, тем более, что перспективы на работе, да и в личной жизни выглядели вполне радужными.

Осень выдалась сухой и теплой. Паутины беззвучно парили в воздухе, а пламенеющие осины смотрелись огненными сполохами на фоне темно-изумрудной зелени елей и пихт. Рыба перла в реки и речушки, клев был обалденным, и на очередном партийном собрании, мы с мужиками, подсчитав скопленные денежные ресурсы, оставшиеся в нашем распоряжении от взносов, решили отпраздновать буйство созревания и увядания нашей северной природы на озере Арантур. С девушками, естественно, с шашлыками, в общем, как положено. Отношения мои с Женечкой стали совсем доверительными, и она уже совсем безбоязненно прижималась к моей груди, когда я обнимал ее, подставляя сочные, алые губки для поцелуя. А я уже почти созрел для принятия самых серьезных решений, и познакомился с ее родителями, людьми простыми и хлебосольными, работавшими в местном лесничестве.

- Гулять – так гулять! – решили мы на совете и проскользнулись.

Через четыре дня партия приказала долго жить! Ко-

печно у нас в провинции агония аппарата, ввиду отдаленности от больших мегаполисов, сначала приняла вид застывшей растерянности, а потом удивления, что такое вообще возможно. Но директивы идут быстро и уже через неделю аппарат райкома вышибли с третьего этажа здания администрации, а наши денежки смыло возникшей волной, потому что получить их в банке никак не удавалось в силу каких-то появившихся откуда ни возьмись препятствий. Потом начался бардак и жизнь покатила по другой колее неизвестной доселе дороги, переломав и исковеркав многие людские судьбы. А с Женечкой мы расстались. Было много горьких слез и неприятных слов, но расстались без обид и взаимных претензий, а через полгода она уехала с родителями на Украину. Контора наша постепенно приходила в упадок, а года через два и вовсе сдохла. Но это уже другая история.

Занавес

С тех давних и, как ни странно, дорогих времен, времен молодости, искренней любви и трудового задора, минуло лет пятнадцать. Друзей и знакомых разметало ветром новой революции по городам и весям ближнего и дальнего зарубежья, а кое-кто ушел совсем из этой жизни, и, может быть, там им ничуть не хуже, чем всем оставшимся, пытающимся выползти к достойной человека жизни любыми способами. А самый простой, как и всегда в России, - украсть! Причем, украсть нагло, по крупному, тогда этого никто, включая правоохрани-

тельные органы не заметит. Вот и тащат, каждый – на своем месте. Пусть чуть-чуть, но даром! Халява, плиз!

Тот, выданный мне в райкоме журнал учета с печатью, а также партбилет хранятся в моем письменном столе до сих пор. Я, конечно, женился и стал гораздо мудрее, но нет-нет, да вспоминаю с теплом те, ушедшие уже безвозвратно дни, когда приказы выполнялись, а не обсуждались, и воры сидели в тюрьме, а не в Госдуме. Жизнь в последние годы потихоньку налаживается, но состояние разлаженности в государственном управлении, да и в общественной жизни, заметно не вооруженным взглядом. Правительства меняются, как перчатки, а депутаты в основном горлопанят. О чем – никому не понятно, да и не интересно. Газеты печатают всякую ересь, благо у нас – демократия, и все можно. Даже моя любимая «Литературная Россия» иногда выдает такие перлы, что прямо диву даешься. Прочитал как-то, что Киевской Руси, как таковой, никто в Европе и не знал, а знали какую-то призрачную страну – Дешт-и-Кипчак, которой платили дань Римская империя, Византия и даже – каково! – Китай. А Карамзин, Соловьев и Татищев – заказные авторы иезуитов. И это – российская, я подчеркиваю **РОССИЙСКАЯ** газета. Возникает желание взять однажды главного редактора за одно место и отправить, куда подальше от России. Но самое страшное и, пожалуй, грустное, что нас опять зовут, а кое кого в обязательном порядке волокут в новую, ничуть не лучше прежней партию. Правда у той на знамени были серп и молот, а у этой – наш бурый, лесной хозяин, мишка. Раньше пели: «Вот вам – молот, вот вам – серп, это –

наш советский герб! Хочешь, жни, а хочешь – куй, все равно получишь... фигу!» Теперь про бедного медведя поют покруче и похулиганистей, но в медвежатники лезут и те, кто благополучно просидел в парткабинетах при советской власти, и те, кто эти парткабинеты громил в девяностых. Неистребимая потребность люмпенов быть в стае или хотя бы рядом преобладала в сознании «совков», да и «демократов», всегда, и впитывалась с молоком матери и первыми словами учительницы, услышанными в школе. Не дай Господь, противопоставить себя стаду, а тем более сильным мира сего! Слава Богу, что до пенсии осталось совсем немного, и этой новой жизни, ее заморочкам, я уже не потребен ни по годам, ни по мировоззрению, ни по возможной отдаче. Отыгрался, отче – пора на отдых.

А дети? Они выросли в этом новом, изменившемся мире, это – их мир, с его, пусть пока несовершенными законами, кумовством и почти повальным беспределом. Они молоды, сильны и целеустремленны. Дай Бог, чтобы минули их холодные ветры равнодушия и отстраненности, а дорога в будущее стала понятнее и ровнее. Летите, родные, и помните, что клоуны не перевелись и в ваше время. Племя это - живуче. Да, еще как!

15 – 19.12.04 г.

РИТА

Он смял, случайно обнаруженный в столе, листок бумаги и вышел на крыльцо. Присев на теплый, нагретый полуденным солнцем бетон ступени, закурил, и вдруг четко, как наяву, увидел летящую ему навстречу тонкую девичью фигурку в джинсах и распахнутой зеленой курточке с яркими нашивками студенческого отряда на рукаве. Сияющие, темно синего, почти черного цвета глаза закрыли пол неба, и он снова, как двадцать лет назад, почувствовал ее горячее дыхание на своей щеке и услышал счастливый голос, с едва заметной картавинкой: «Славка, я тебя люблю!».

...Она плакала у него на груди, он гладил ее по спине, пытаясь успокоить, а сам, уткнувшись носом в рассыпанные по плечам густые, каштановые волосы, вдыхал их волнующий, мятный запах. Потом, сколько было возможно, он шел по перрону рядом с тронувшимся вагоном, и все смотрел, и смотрел в ее заплаканное лицо, стараясь запомнить его до последней черточке: огромные глаза с дрожащими на кончиках ресниц хрусталиками слезинок, опухшие от поцелуев губы, и темный румянец покрытых нежным, едва заметным пушком щек. Когда состав скрылся из вида, он резко повернулся и зашагал в сторону стоящего на привокзальной площади автобуса.

- А, вот и наш Дон Жуан, - язвительно приветствовала его Жанна. – Долгонько вы что-то.

У Славки не было никакого настроения собачиться с раздраженной женщиной, он молча плюхнулся на си-

день и закрыл глаза. Воротник его куртки до сих пор сохранил теплый запах девичьего тела и мяты. Автобус тронулся, и через двадцать минут они уже устраивались в гостиницу, забронированную заранее. Ночью, после ресторана, пришедшая к нему в номер Жанна, попыталась вновь вернуться к событиям последних дней и вызвать его на откровенность, но Славка закрыл ей рот ладонью и посоветовал спать, так как самолет улетал довольно рано, а время было позднее. И зачем он вообще пустил ее? Не надо было...

Совещание по качеству трест решил провести в далеком, северном, только начавшим строиться, поселке. Ехать до него на поезде от областного центра было больше суток, и, прикупив припасов и горючего, делегаты с шумом и шутками погрузились в купейный вагон. Обслуживал состав студенческий отряд из Свердловска, состоявший в основном из молоденьких девочек, возглавляла которых, рослая, уже в годах женщина с громкоподобным голосом, приставленная, видимо, управлением дороги. Когда состав загрохотал по «серебряному» бахиревскому мосту через Туру, Славка с интересом прилип к оконному стеклу, пытаясь в проносившемся мимо пейзаже узнать знакомые места. Лет восемь назад, когда он служил в армии, ему уже приходилось бывать здесь. Тогда его командировали сюда за крепкими болтами, необходимыми для другого Моста через другую Реку, который строился их батальоном в бескрайней, сибирской тайге. Здесь он и увидел случайно знаменитого комбрига Бахирева, построившего первый капитальный мост на дороге Тюмень-Сургут, а в

тот момент распекавшего за какую-то провинность толстопузого майора снабженца. Воспоминания Славки прервал голос вошедшего в купе главного инженера из Нягани Миши Солодовцева:

- Ты чего тут скучаешь? Пошли к нам. Там такие девочки веселые, пальчики оближешь! Хозяйки наши из студотряда.

Из соседнего купе доносились взрывы хохота, а в паузах между ними голос известного балагура и анекдотиста, начальника одного из отделов треста Павла Васильевича Лебедева.

- Я сейчас, - махнул рукой Славка. – Иди, я догоню.

Он снял пиджак, повесил его на плечики, достал из пакета бутылку коньяка и вышел в коридор. Подняв глаза, он как будто споткнулся, натолкнувшись взглядом на смуглое, розовощекое девичье лицо, с огромными глазами, смотревшими на него.

- Здравствуйте, - неожиданно для себя произнес остоленевший Славка.

- Здравствуйте, - голос девушки, едва заметно картавившей, прозвучал, как музыка.

Славка неуклюже потоптался на месте, не зная, что говорить и делать дальше и посторонился, пропуская улыбнувшуюся девушку. Она прошла в служебное купе, обдав его ароматом мяты и еще чего-то неуловимого, волнующего. Он тряхнул головой, сбрасывая охватившее его наваждение, повернулся и шагнул в раскаты хохота и шум, заполненного до отказа друзьями и сослуживцами купе.

Обедать они пошли вместе с Мишкой в ресторан.

Свободными оказались только места за столиком, где кушали две студентки, в одной из которых Славка тут же узнал встреченную накануне незнакомку.

- Девочки, к вам можно? – галантно расшаркался Мишка.

- Пожалуйста.

Славка снова натолкнулся на внимательный взгляд из-под темных бровей, и неожиданно для себя покраснел. А Мишка сразу же затрещал, как пулемет, переходя с анекдотов на побасенки, и сопровождая свою болтовню отчаянной жестикуляцией:

- А как вас зовут, девочки? Меня Михаилом, а этот скромный молодой человек Вячеслав.

- Рита, - представилась незнакомка, - а это – Катя.

- Тогда, как говорить, за знакомство!

- Что вы, нам нельзя, сухой закон. А, если Марья учует – совсем беда!

- Марья, это не та огромная мадам, гудящая, как иерихонская труба?

- Она.

- Да, девочки, я вам не завидую.

- Она, вообще-то добрая, только с виду такая грозная. Но ей по другому и нельзя: целых двадцать пять человек на руках.

- Значит, по чуть-чуть можно. Ты чего, Слав, молчишь, поддержи товарища.

- А, правда, девочки, по капельке, - очнулся Славка.

- Только, чтобы никто не увидел, - Рита подняла глаза на Славку, улыбнувшись уголками губ. – По чуть-чуть!

- Это мы могём, комар носу не подточит, - хохотнул Мишка. – Слав,

прикрой. С богом, девочки! А теперь давай и мы с тобой, Слава, за здоровье девчонок. Пусть у вас, красавицы, все хорошо будет!

- Спасибо.

- У вас, когда смена кончается?

- В восемь.

- Приходите к нам вечером, поболтаем, чайку попьем. Вы не смотрите, что друг мой на буку похож, это он от смущения. А, вообще-то, он парень веселый, а как поет – заслушаешься!

- Брось ты, Миша!

- А, чего – брось. Я, девочки, ничего не сочиняю. Что это ты у нас таким скромным стал? – Мишка подозрительно взглянул на меня и, заметив, как я смотрю на Риту, расхохотался. – Все ясно! Это он, Риточка, вашей красотой сражен наповал, даже дар речи растерял.

Лицо девушки стало пунцовым, а Славка грозно засопел, сдвинув брови:

- Ты, это – кончай!

- Что, правда глаза колет. Так мы вас ждем, девочки, приходите, не пожалеете.

- А что, и придем! – Рита дерзко взглянула на Мишку. – Только не обманите насчет песен.

- Никогда! Я тут в соседнем вагоне у ваших девчат гитару видел, попросите на вечерок, да и девочки пусть подходят: в компании веселей. Вы нас послушаете, мы – вас.

Вечером в набившемся слушателями купе Славке

пришлось потрудиться на славу, чтобы заслужить одобрение публики. А потом они слушали песни в исполнении студенток, болтали о том, о сем, и угощали девочек бананами, которые ухитрился добыть на каком-то полустанке Мишка. Ближе к полуночи Славка вышел покурить в тамбур. За окном горел малиновым незатухающий закат белой ночи, да мелькали корявые сосны на бесконечных болотах, заросших по краям багульников. Хлопнула дверь, вошедшая в тамбур Рита, встала рядом со Славкой и прижалась носом к оконному стеклу:

- Правда, красиво!

- Правда. Сколько лет живу в этих местах, а никак не могу привыкнуть, что ночи нет.

Взгляды их встретились, и Славка неожиданно притянул Риту к себе, стараясь не быть грубым. Девушка глубоко вздохнула, закрыла глаза и потянулась губами к Славкиным губам. Они проговорили, целуясь, до восхода, стремительно наступившего часа через два, а утром Славка вместе с делегатами сошел с поезда, мучимый сомнениями: увидит ли он Риту опять. Но то, что в его душе произошло что-то необычное, прекрасное, он знал точно. Они обязательно увидятся, иначе и быть не может, он в это верил.

Совещание свернули к обеду (кому было охота слушать всякую галиматью о стандартах и прочих, набивших оскомину, вещах), и приступили к неофициальной части в столовой местного управления. Угощали с размахом, по-сибирски. Играл местный самодеятельный ансамбль, пары кружили без усталости. Старые друзья и знакомые, в общем-то, и встречались изредка на таких вот

совещаниях. Славкина делегация спать не собиралась, так как в два часа ночи отъезжала назад, в Тюмень, и, после того, как из столовой все гости разошлись по местам ночлега, продолжила пирушку у местного начальника пожарной охраны Алексея, парня заводного и веселого. На прощание гостеприимные хозяева снабдили их припасами в дорогу, не забыв нескольких бутылок спирта, благо тот был в свободной продаже. В половине второго ночи шумная компания отправилась на вокзал, где и расположилась на скамеечках в ожидании поезда. Поезд пришел по расписанию, не опоздав ни на минуту. Двери вагонов открылись, и в проеме одного из них Славка к своему изумлению увидел знакомое лицо. Рита! И хотя он произнес ее имя вполголоса, она услышала, спрыгнула на щебень перрона и повисла у него на шее, смеясь и целуя одновременно.

- Да, как ты тут оказалась, Рита? – никак не приходя в себя, спрашивал он ее. – Вы же еще на север должны ехать.

- А я на встречный пересела, - отвечала она между поцелуями, - с девочкой знакомой поменялась из другого отряда. А, ты, что – не рад?

- Рад, конечно, еще как рад! – Славка чувствовал, как его переполняет нежность к этой хрупкой, с открытым нараспашку сердцем девушке. «А еще говорят, что нет на свете любви с первого взгляда, - мелькнуло где-то в подсознании. – Глупости, конечно – есть!»

- Ты – в каком вагоне?

- В пятом.

- А я – в шестом. Как тронемся, приходи, я одна, без

напарницы. У них девочка заболела, а заменить некем.

Я только вещи брошу и сразу – к тебе, – Славка поймал на себе внимательный взгляд Жанны Васильевой, нормировщицы из соседнего стройуправления, давно неравнодушной к нему, но разбираться в ее интересе к их с Ритой взаимоотношениям ему было некогда: объявили отправление. Да и не собирался он перед ней отчитываться, не жена. Ну, было дело, так что с того, она тоже, Слава Богу, не святая.

Позже, лежа на узкой полке и прижимая к себе невесомое, горячее тело Риты, он поймал себя на мысли, что не стоило так форсировать события. Он-то – старый дурак! – почти тридцать, а ей от силы – двадцать. Ну, увлеклась героем пятилетки, с кем в юности не бывает, а он и воспользовался. Старый дурак! Рита пошевелилась в его объятьях, глубоко вздохнула и открыла глаза:

- Ты, что, не спишь, любимый, утро скоро?

Все его сомнения развеялись, как дым.

- Не хочется, целый день впереди – успею подремать!
– бодро ответил он, поймав себя на мысли, что хочет покрасоваться перед этой девочкой, доверившей ему самое себя.

- Поцелуй меня, – она подставила для поцелуя припухшие губы, и он тут же растворился в душном полумраке купе, погружаясь в блаженную истому и теряя последние остатки ощущения реальности.

А потом было долгое прощание на вокзале, заверения в вечной любви и обещание встречи в самое ближайшее время, как только позволят дела.

...Работа полностью поглотила его, шла подготов-

ка к сдаче объекта, и свободное время оставалось только на то, чтобы поесть и поспать. Он никак не мог найти времени, чтобы ответить на письмо Риты, полученное им еще неделю назад. Она писала, что в институте началась учеба, что она ужасно соскучилась по Славке, и ждет его приезда, ну, хотя бы на один денек. «И не ленись писать письма, дорогой, без них совсем плохо», - он будто слышал ее голос, и горячая волна стыда захлестывала его. Он написал заявление на три дня за свой счет, и начальник, скрепя сердце, бурча про себя, подписал его, заодно надавав заданий, что привезти из Свердловска. Славка вечером упал на вагонную полку и проснулся за час до прибытия.

А дальше были два бесконечных, светлых дня. Они сняли два номера в гостинице – в те далекие времена приводить к себе девушку после одиннадцати категорически запрещалось гостиничными правилами, и консьержки бдительно следили за их соблюдением – и наслаждались этим, свалившимся на них счастьем и свободой. Вечером они ужинали с ее друзьями по институту в шикарнейшей и очень дорогой пельменной, а потом гуляли по ночному городу, вдыхая чистый, прохладный воздух ранней осени. Прощаясь у вагона, она крепко держала его за руку, боясь отпустить, и все повторяла шепотом, прижимаясь губами к его щеке: «Приезжай скорее, только приезжай!»

Потом была продолжавшаяся почти год переписка, с жаркими признаниями в каждой строчке, стихами, написанными неумело, но искренне, и всякой милой чепухой. Но жизнь брала свое, и образ дорогой, но такой

далекой и недоступной девчонки постепенно тускнел и терялся между другими, встреченными и узванными позднее. Никогда, какое безысходное слово – НИКОГДА, он уже не увидит ее. Тогда же он познакомится со своей будущей женой, и это новое, зарождающееся чувство постепенно поглотит его целиком, заслоняя собой все предыдущие истории и события. Он еще будет по привычке писать короткие ответы, но слова в них станут суше, а эмоции – сдержаннее. Недоумение и обида, зазвучавшие между строчек ее писем, сначала вызовут у него легкую досаду, а потом и вовсе покажутся пустыми и докучливыми. Он станет писать все реже и реже, испытывая некий дискомфорт внутреннего состояния, когда приходится сочинять то, чему не было отклика в душе.

И было это последнее письмо. Она писала, что чувствует, как он охладел к ней за последнее время, но обиды на него не держит: жизнь – есть жизнь. А она по-прежнему любит и скучает, и ждет от него хоть какой-нибудь весточки. Пусть он только напишет, ведь ей так плохо. Он не ответил на это письмо, а сегодня, спустя почти четверть века, случайно обнаружил его среди бумаг.

Славка докурил сигарету, затушил окурочок, и почувствовал, как жгучий стыд за проявленное тогда малодушие, а скорее всего трусость, прожигает ему сердце. Чего уж тут лукавить перед собой – он боялся тогда развития их дальнейших отношений, а сказать об этом прямо – не посмел. «Не хватало еще, чтобы жена увидела, чего зря человека тревожить», - подумал он и чирк-

нул спичкой. Наблюдая, как съеживается комочек бумаги, превращаясь в пепел, в пляшущих язычках огня он снова увидел летящий ему навстречу, знакомый силуэт. Вновь последним приветом из далекой, но такой незабываемой юности, прозвучал в его сознании, воркующий по голубиному и до сих пор волнующий сердце голос: «Дорогой, я сильно-сильно тебя люблю!»

А ветер еще долго гонял по двору кусочки черной сажи.

29.11.04 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Родина.....	6
«Широка страна моя».....	8
«Я не понимаю, что со мною».....	9
Заклинание.....	10
«С неудобным характером споря».....	11
Храм.....	12
Цирк.....	13
«Ты умеешь неслышно войти».....	14
«Посудачат гости и уйдут».....	15
Пасха.....	16
«Милая, ну что с тобою случилось».....	17
Поминки.....	18
Баня.....	20
«Я тебя до боли понимаю».....	22
Станный ночлег.....	23
Осенний набросок.....	25
К вопросу о семейной этике.....	26
Отцу.....	27
Утро.....	28
Май.....	29
Гладиатор.....	30
«Навалилась на плечи усталость».....	31
Тверь.....	32
О политике.....	33
«Вот так они, в общем, и жили».....	34
Собрату по перу.....	36
«Ни кола, ни двора, ни жены».....	37
Утро 9 мая.....	38

Дочери.....	39
Ветеранам.....	40
Природа.....	41
«Все уехали, дом обезлюдел».....	42
«Как ты меня достала, Русь».....	44
«Заветный рай в сознании людей».....	45
«Ревет реки бунтующей вода».....	46
«Вот и кончилась эта зима».....	47
«В том далеком шестьдесят шестом».....	48
«За окошком неласковый ветер».....	50
День рождения.....	51
«Все прошло».....	52
«В России вечная беда».....	53
«А есть ли смысл жалеть о том, что тратим».....	54
Снег.....	55
Спираль.....	57
«Еще один листок календаря».....	58
Набросок сценария.....	60
«Внезапно охнет сердце и».....	62
«Погоди, - внушают, - не положено».....	63
Провинция.....	64
«Крутые нынче времена».....	66
«Довелось заблудиться».....	67
Белая ночь.....	69
Холода.....	70
В деревне.....	72
Дверь.....	73
Окно.....	75
Агасфер.....	77
«Облысевших гор черепа».....	78

Песенка туриста.....	79
Листопад.....	81
Я помню.....	83
«До озноба природа намокла».....	85
«Все меньше нас».....	86
В командировке.....	88
«Подвергнуты страсти и тети, и дяди».....	91
Осенняя рапсодия.....	93
«При смене формаций, устоев».....	95
Вечер в лесу.....	97
Утро.....	99
День.....	100
Ночь.....	101
«Принять решение – несомненно, трудно».....	103
«Этот дьявольский век».....	104
Весна.....	105
«Эх, ма! Опостылела эта зима».....	107
«...и все же нас не унесло».....	109
Баллада о бане.....	110
Диалог в баре.....	112
Весенняя рапсодия.....	114
«Струйки дымов из печных дымоходов».....	115
Родной земле.....	116
Потерянный брод.....	118
Городу.....	120
«Протоплю камелек на даче».....	122
«Нас по свету, как щепки носило».....	124
Одиссей.....	125
Графоману.....	127
Начальнику.....	128

Лизоблюду.....	129
Тайга.....	130
Монолог лешего из лесного болота.....	132
«Малиновый закат».....	134
Щенок.....	137
На распутье.....	139
Угрюмые стихи.....	142
Крест.....	144
«За старым плетнем, за околицей».....	145
«Я только гордость утверждать».....	146
«Треснула ветвь краснотала».....	147
«Иллюзорен и зыбок».....	148
Покаяние.....	149
Югра.....	150
Дружеские пародии.....	152
Про Емелю, Кашея и Змея.....	172
Прощайте, мальчики.....	175
О Трое и героях.....	190
Турист, повесть.....	196
Сука, рассказ.....	226
Клоуны, короткая повесть.....	232
Рита, рассказ.....	253

Станислав Юрченко

Станислав Георгиевич Юрченко

Потерянный брод

В авторской редакции

Рисунки автора

Дизайн-верстка
Дмитрий Трифонов

Сдано в набор 10.02.2005 г.

Подписано в печать 25.02.2005 г.

Формат 70/90 1\32. Печать офсетная.

Условных печатных листов 3.8

Тираж 500. Заказ 793.

Лицензия ИД № 1441 от 05. 04. 2000 г.

Отпечатано в ГП “Советская типография”.
628240, ХМАО-Югра, Тюменская область,
г. Советский, ул. 50 лет Пионерии, 11 “в”,
Тел. (34675) 3-18-02, тел/факс 3-22-09.

400012006

Библиотека Югры

Ста́нислав Гео́ргиевич Ю́рченко,
член Союза писателей России.
Проживает в г. Советский
Тюменской области.

